

ДАРЬЯ ГУСИНА

ЗВЕЗДНЫЙ ВЕТЕР

#космос

#любовь

#тайна

#приключения

18+

Дарья Гусина

Звездный ветер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67643100

SelfPub; 2022

Аннотация

Профессор кибергенетики Мария Бронски много лет ищет своего брата. Отдел КБ утверждает, что он погиб на планетолете "Аструс", попавшем в черную дыру 16 лет назад, но результаты личного расследования Маши говорят о другом. Поэтому, получив неожиданный "пинок судьбы", Мария решительно отправляется в неизвестность в компании выводка инопланетян, трех странных киборгов, виртуального стюарта и четырех людей разной степени депрессивности. Продолжение романа "У каждого свои недостатки".

Содержание

Глава 1. Первый "пациент"	4
Глава 2. Ни пятнышка, ни крошки	15
Глава 3. Идеальный бойфренд	25
Глава 4. Условно выживший	41
Глава 5. Первый «рабочий» день	56
Глава 6. Спецзаказ	70
Глава 7. Хитрость и самообучаемость	82
Глава 8. Девушка легенда, девушка мечта	94
Глава 9. Ловушка	109
Глава 10. (Не)благонадежная компания	119
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Дарья Гусина

Звездный ветер

Глава 1. Первый "пациент"

Я сидела на краю котлована. Застройщики обещали элитный город-сад на месте крошечного поселка, где пять лет назад стоял детский дом. Сейчас от него остался лишь остов проржавевшей качели, но вот и он смялся под гусеницами экскаватора.

Я пошла к трассе, нашла площадку для турболетов, оглядела себя с ног до головы в голографии из комфона: футболка с изображением бревоцефалуса и надпись «Не думай, что знаешь о нас все, землянин!», потрепанные джинсы, кожаный шнурок в рыжих волосах, кожаные сандалии. Нужна нормальная одежда, срочно!

Эта Бронски, судя по информации в Гуглакси, та еще пафосная дама, ей еще и тридцати нет, а она уже профессор. Правда, неохотно признала я, отряхивая джинсы, звание Бронски получила вполне заслуженно: одна ее статья «Когниция и Когнитивы» в научном журнале «SimulatedLife», чего стоит. Что уж говорить о четырех монографиях? Я все работы профессорши выучила почти наизусть, узнав, что бу-

ду у нее практику проходить. Никто, как всегда, мою специализацию в расчет не принял. Ксенопсихология еще не скоро станет уважаемой и признанной наукой в ученом мире, и моя задача ускорить процесс реабилитации любимого дела.

А пока мне нужно найти себе жилье (университет рекомендовал несколько адресов на окраине Лондонополиса), обустроиться и купить нормальную одежду, иначе завтра, при встрече с куратором практики меня примут за радикального эко-патриота. Я не радикальная, просто люблю природу и выступаю за то, чтобы всем видам разумной и полуразумной фауны и флоры в Кластере дали спокойно развиваться своими темпами, а не теми, какими видят их земные ученые. Правда, иногда слишком активно выступаю, согласна.

Ученые еще как-то не определились с расой муарманцев в секторе ка-зет-семь: то ли это высокоразвитые животные, то ли разумные существа первой ступени. Да и со ступенями этими не все понятно. Я надеюсь однажды отправиться на Муар-Ман в числе научной экспедиции (которые в последние годы становятся все более редкими и «бюджетными» и даже пытаюсь изучать муарманский, его пiski, стоны и хрипы. Пиццать у меня получается неплохо, но с хрипами и стонами дело обстоит куда хуже.

Я отправила свои координаты заказчику. Ну вот почему Пайк, в очередной свой приезд, опять не разрешил мне установить имплант?! Насколько проще могла бы стать жизнь – никакой зависимости от комфона! Я же не нос уменьшить

прошу! Хотя, тоже не помешало бы, не уменьшить, а чуть поработать с курносостью. Впрочем, о чем я? Что за подростковые претензии? Пайк и так оплачивает мое образование и прочие расходы из наследства папы, а мне впору уже самой подрабатывать, копить на мечту – полет на планету Муар-Ман, пусть для начала в качестве эко-туристки.

Заказчик жил неподалеку от того места, где когда-то стоял интернат, поэтому я решила совместить ностальгический тур по местам детства и обдумывание предстоящего дела. Я еще раз просмотрела сообщения клиента. Какая удача, что на форуме молодых ксенопсихологов в Сети этот человек выбрал именно меня! К сообщениям добавилось еще одно:

>ждите. турболет вылетел. полная конфиденциальность, помните?

>конечно.

Еще бы заказчик не беспокоился о конфиденциальности! Если экологические организации узнают о том, что дома у него живет инопланетное существо, порвут на лоскутки. От волнения у меня сильно заколотилось сердце – я увижу живого муарманца! Не в естественной среде, что жаль, конечно, но все равно!

Во время перелета я перебирала в памяти все, что знала о муарманцах. Внешне эти существа похожи на зеленую петарду с мишурой на конце, диаметром от трех до четырех дюймов и высотой примерно в пятнадцать-семнадцать дюймов, в зависимости от возраста. Мне они больше напоминают огур-

цы со срезанными «попками». «Шкура» у муарманцев довольно жесткая, нижняя часть «петарды» представляет собой размягченную часть, из которой формируются псевдоподии. Глаза не являются постоянным органом чувств, они образуются «по требованию», иногда в количестве до дюжины. Органы зрения приближаются к поверхности тела, когда муарманцу необходимо что-либо рассмотреть. Ученые считают, что густое вещество, заполняющее «огурец», и есть его мозг.

На своей планете муарманцы живут «семьями». Скорость их передвижения очень мала, поэтому теоретически на них должны охотиться хищники. Но хищники на них не охотятся. Большинство экспертов по Муар-Ману полагает, что многочисленная местная (весьма агрессивная) фауна считает «огурцы» невкусными, но есть группа ксенобиологов (и я отношусь к их числу), которые думают, что эти существа сумели каким-то образом поставить себя на место царя природы. Аргумент в защиту этой теории веский – фауна планеты Муар-Ман жрет такое, что по сравнению с их обычным рационом, муарманцы должны казаться деликатесом. Ан нет, «огурцы» мирно ползают по своим деревьям на теплых болотах, питаясь органическими выбросами из грунта, почкуют детей и совсем не интересуются гостями из других миров. Пока никому не удалось установить с ними полноценный контакт. Вопрос о разумности муарманцев остается открытым, а ведь некоторые энтузиасты теории «цивилизаций

иногое восприятия» пытаются доказать, что извилистые линии, оставляемые псевдоподиями «огурцов» на пластинах подсохшего грунта есть искусство, а регулярные сборища на лужайках – официальные саммиты или народное вече.

Дейв прислал несколько сообщений, пока я была в пути. Я встретила глазами с укоризненным взглядом голограммы в комфоне и вздохнула. Первый красавчик факультета положил на меня глаз именно потому, что я им не интересовалась. К тому моменту, как он начал за мной ухаживать, обо мне в университете уже ходили разного рода скабрзные слухи. Взвесив все за и против, я уступила ухаживаниям и потом очень об этом пожалела. Дейв скучен и однообразен, как... поверхность Марса. У нас совершенно нет общих интересов. При этом Дейву и в голову не приходит, как он может кому-то не нравиться. Я уже несколько месяцев ломаю голову, как бы мне порвать с ним... не очень болезненно. К счастью, практику мы проходим при разных университетах.

Турболет сел на площадку посреди огромного парка. Сверху была видна крыша особняка с бассейном и конюшнями. Мимо промчался конь со всадницей. Я приободрилась: сразу видно, что обитатели особняка любят животных.

Я прошла по тропинке к дому, удивляясь тому, что никто не вышел навстречу, и позвонила в дверной звонок-колокол. Дверь распахнулась. Передо мной стоял дородный мужчина в халате, расшитом японскими мотивами.

– Вы Миа Лейнер? – взволнованно спросил он.

– Да.

– Слава богу! Идемте за мной!

Мужчина развернулся и исчез в огромном холле, украшенном колоннами. Я попыталась вспомнить, где видела этого человека. Догнала его в коридоре, пошла рядом. Мужчина шлепал в огромных резиновых сланцах.

– Слуг пришлось отправить в отпуск! – объяснил он. – Мы сами перебрались в другое крыло. Без толку! И там слышно! – заказчик вдруг резко остановился, так что, пробежав по инерции несколько шагов вперед, я вернулась. – Вы ведь поможете?

– Я постараюсь. А в чем, собственно...

– Сейчас увидите! И никому ни слова! Прислуга и так уже подозревает... неладное. Мы ей соврали, что кибер сломался. Киберы, кстати, тоже разбежались, – мужчина снова понесся вперед, мимо многочисленных дверей по правую руку и широких арочных окон по левую.

Мы пронеслись по нескольким коридорам и заскочили в роскошную оранжерею.

– Вот, – скорбно сказал мужчина, снимая с какой-то емкости пестрый платок. – Сидит. Орет.

Емкость стояла на подставке для цветочных горшков. Под платком был стеклянный колпак, затянутый изнутри мутью испарений. Я осторожно взялась за стеклянную блямбу на верхушке колпака, потянула вверх, попросив взглядом позволения у заказчика. Тот кивнул. Мужчина стоял, покачи-

ваясь с пятки на носок, с напряжением глядя на подставку. Один глаз у него дергался.

Сняв колпак, я с восторгом ахнула. На ошметках почвогрунта стоял муарманец, настоящий, живой. Весь такой из себя огурец. Я пригляделась и нахмурилась. «Огурцу» было явно не по себе: тельце инопланетной живности пошло морщинами, «мишура» на макушке пожелтела, псеводоподии неуклюже растопырились. Муарманец проклюнул один глаз – зеленую блямбу с мутноватым «зрачком», посмотрел мне в лицо (у меня от его взгляда побежали по коже мурашки) и опять пригорюнился.

– Ему же плохо! – возмущенно заявила я.

– Слышала?! – гаркнул заказчик вошедшей в оранжерею девушке в костюме для верховой езды. – Хотела специалиста?! Вот тебе специалист! Я всю Сеть излазал, искал того, кто разбирается! Вот человек... барышня! Молодая, а сразу все сказала: и про тычинки эти, и про лапы, и про фаллосы!

– Фолликулы, – строго поправила я его, продолжая разглядывать представителя инопланетной фауны.

Девушка, изящная блондинка, скусилась. Я сразу вспомнила и заказчика, и вошедшую барышню. Мужчина – известный кинорежиссер, снимает космические вестерны. Блондинка – его дочь, тоже снялась в картине папы. Несмотря на равнодушное отношение к кинематографу, я посмотрела ту часть, где девушка-сирота, чудом спасшаяся с фермы во время нападения «плохих парней», прячется от них в джунглях

Окто. Ради Окто я этот фильм и посмотрела, картину действительно снимали на знаменитой своей флорой и фауной планете. И как только съемочная команда разрешение получила? Удивительно также, что во время съемок там никого не съели. Фильм собрал хорошую кассу – может, блондинка и была плохой актрисой, но фигурой обладала отличной. Главный герой тоже не подкачал: рассортировал злодеев по степеням болезненности смерти и завоевал сердце сироты.

– А она сказала, почему он все время орет? – надув губы, вызывающе спросила блондинка.

– Как именно...? – начала я, и тут муарманец действительно «заорал».

Девушка пискнула, зажав уши, ее отец закричал, согнувшись и обняв себя за плечи, у меня стали дыбом волосы. Это не было речью, это действительно было криком, агонией погибающего существа. Конечно, я об этом читала. Такой звук «огурцы» издавали в момент смертельной опасности. Некоторые ксенобиологи отмечали, что для усиления звука муарманцы использовали торс-поля. Высказывалась также версия, что поглощение торс-энергии было для них одним из видов питания.

Бесконечно долгий вопль наконец стих.

– Торс-звук, – выдохнула я.

Повезло нам, что мы на Земле, с его слабым торс-полем.

– Везде слышно, во всем доме. А эта дура в зоопарк его отдавать отказывается, – простонал режиссер.

– Я его друзьям показать хотела! – слезливым голосом пропищала «дура». – Это же круто, такой питомчик! Ни у кого такого нет!

– Идиотка! – гаркнул мужчина. – Заори он у вас на вечеринке, вы там бы все и полегли, обдолбавшись своим хайэризмом (***вид экстатической музыки***)! Я тебе эту дрянь за такие деньги выписал, чтобы ты меня перед прессой и «зелеными» палила?!

Блондинка шмыгнула носом и обратилась к мне:

– Ну скажите, ведь его же можно оставить, да? Подлечить немного, чтоб не орал. Мы его хорошо кормим, – девушка показала баллон с органической взвесью. – Ну пожалуйста! Я его отдам! После вечеринки в субботу на следующей неделе!

Отец девушки смотрел на меня с надеждой. Я ответила строгим голосом:

– Нельзя. Вы не сможете удовлетворить его потребности. Корм – это не главное. На Земле мало торс-полей для процветания этого вида. Это раз. Жители Муар-Ман постоянно находятся в движении, а вы его ограничили. Это два.

– Мы отпустим его погулять!

– Он вам все здесь измажет особым видом выделений. Хотите этого? При том, что до следующей субботы он явно не доживет. Это три. Кричать он не перестанет, он зовет на помощь членов своей семьи. Это четыре. И еще. Видите этот маленький отросток? Это почка-детка. Эта особь готовится к делению.

– Еще одна такая тварь?! – ужаснулся режиссер.

– Ну ладно, – недовольно сказала блондинка. – Забирайте.

Все равно он мне надоел. А друзьям я голограмму покажу.

– То есть как «забирайте»? – опешила я. – Вам нужно отнести его в специальную службу, заверить документы, объяснить написать, пройти затем санобработку...

– Послушайте, – режиссер подхватил меня под локоток и отвел в сторонку.

Муарманец снова заорал, и я машинально шагнула к подставке. Звук моментально стих, на поверхности тела появился глаз. Глаз укоризненно посмотрел на меня и спрятался.

– Видите? – режиссер всплеснул руками. – Он вас чувствует! Чувствует родственную душу!

Комплимент был сомнительным, но я промолчала.

– Зачем документы, объяснительные? Мы тут все и так обработаем, и себя, если нужно, даже изнутри, у меня как раз отличный виски имеется... Лишь бы слуги вернулись! Лишь бы выспаться! Отдайте его в свою службу сами. Скажете, мол, анонимно подбросили. Или лучше... отвезите его домой, – заискивающе предложил мужчина, – раз ему тут так плохо. В обход официальной процедуры, так сказать. А я вам компенсирую... перелет, издержки!

Я призадумалась. А что если...?

– Перелет до Муар-Мана стоит почти четыре тысячи цоло, в эконом-классе, – сообщила я режиссеру.

– Дам на бизнес-класс туда и обратно. И еще на разные

расходы.

Глава 2. Ни пятнышка, ни крошки

В турболет я садилась со смешанными чувствами. Сама не поняла, как ввязалась в подобную авантюру. Хотя чему удивляться с моей способностью влезать во всякие странные ситуации? Но счет на чипе пополнился на кругленькую сумму, а в объятых «дремал» муарманец (я почему-то была уверена, что «огурец» спит, что он впервые заснул за довольно долгий период времени). Если я сумею узнать, как заставить муарманца не кричать, за выходные успею слетать на Муар-Ман, увижу все своими глазами и выпущу «питомчика» на волю.

Искомое здание, рекомендованное университетом для расселения практикантов, было веселенького розового цвета. Это последний адрес. Все остальные места или слишком далеки от семнадцатой зоны Л-Полиса, или слишком дороги. Я набрала полную грудь воздуха и вошла.

К моему удивлению внутри было чисто, очень чисто, даже СЛИШКОМ чисто. Обстановка напоминала пряничный домик, если бы кто-то захотел поселиться внутри и обставить помещение в соответствии с концепцией... пряника. У входа была стойка, как в отелях, даже со звоночком. По звонку появилась дама. Киборг, поняла я. Станный киборг, который на киборга мало похож. Сама не знаю, как определила,

что это условно-живой, вернее, условно-живая. Ростом с королевского гвардейца, немного мужеподобная, но в остальном – явная дама. Сама лэндледи (***квартирная хозяйка**) была в отъезде, на фестивале скрэпбукинга – так значилось в ее аккаунт-статусе. Администратор ждала, ее кислое лицо было воплощением подозрительности. Меня это не удивляло, мало ли у какого циклона какая программа. Видимо, в соответствии с программой (или наоборот) у циклонши было аккуратно подкрашенное лицо, длинные серьги, локоны и заколка в виде букетика цветов. Розовых.

– Я... мне дали ваш адрес в Эмерейском Университете. Меня зовут Миа Лейнер.

– Пол женский?

– Д-да.

– Это хорошо... Как долго?

– В смысле? А, жить? Два месяца.

– Двадцать лет. Это.... плохо.

– Мне? Да. Почему?

– Самый неопрятный возраст.

– Э?

– Чистота.

– Что?

– Самое главное условие – соблюдение чистоты. Мы здесь любим порядок.

– Я очень чистоплотна.

Киборгша с сомнением покосилась на мои кеды, на кото-

рых разводами высохла желтая глина из котлована.

– Я только что с дороги, – попыталась оправдаться я.

– Идемте за мной.

Циклонша отвела меня на второй этаж. Квартирка была милой, тоже кукольной и с рюшечками. Администратор скрупулезно разъяснила возможности и обязанности квартиранта. Запрещалось почти все: гости, тапки на жесткой подошве, громкие разговоры по комфону, использование более семи литров воды в день, домашние животные (очень неопрятные твари) и мужчины (не менее неопрятные твари). Возможностей было немного: преимущественно в комнате позволялось крепко спать.

– Ни пятнышка, ни крошки, – желчно произнесла киберша в конце инструктажа.

– Ясно. Понятно. Мне все понятно. Учту. Комнатные растения? – быстро поинтересовалась я

– Можно, – подумав, милостиво разрешила циклонша, указывая на фикус в углу. – Осмотритесь. Я пришлю киберов, – она вновь поглядела на кеды с разводами.

– Уф! – сказала я, когда условно-живая дама вышла.

Однако дверь вновь приоткрылась, и в комнату заскочило с полдюжины уборщиков. Они рассыпались по периметру, заглядывая в углы. Один из них попытался вскарабкаться на кед, но я отпихнула его ногой. Муарманец был извлечен наружу из рюкзака на низкий журнальный столик у диванчика, разумеется, розового в цветочек:

– Ой-ё-ёй!

Даже невооруженным взглядом было видно, что «огурцу» стало еще хуже: подсохшая «мишура» местами осыпалась, морщины на «коже» стали глубже. К моему ужасу, на боку инопланетянина обнаружили еще две почки. Муарманец сам на них показал, двигая по закруглениям тела тремя проклюнувшимися «глазами». Одна желтоватая почка-детка понуро висела у него на боку. Я достала комфон и начала искать информацию в Сети. Должны же быть настоящие специалисты, не такие, как я! Например, тот ксенобиолог, что читал нам лекции в прошлом году, профессор Клайв. Я нашла ссылку на личный аккаунт профессора. Меркьюри Клайв был недоступен, он улетел на конференцию. Да что они сговорились, что ли? Чего им дома не сидится?

Я слишком поздно заметила, что муарманец сполз со столика и двинулся через комнату, оставляя на полу рваную полосу коричневой слизи. Уборщики встрепенулись и начали сужать круг. Двое подтирали полосу, остальные напряженно изучали непонятный объект.

– Кыш! Кыш! – закричала я, размахивая руками.

Я вернула муарманца на поддон, виновато бормоча:

– Давай погуляем... в другой раз. Может, на травку? Есть тут поблизости парк или бульвар? Что же делать? Что же мне с тобой делать?

Муарманец молчал. Впрочем, заговори он по-муармански, я вряд ли что-то поняла, в моем словарном запасе бы-

ло только слово «лес», в его восьми начальных значениях, с писками. Как может существо, имеющее восемь синонимов для одного слова, считаться неразумным?

– Ты, наверное, голодн...ая?

Обращаться к будущей матери в мужском роде было как-то неудобно, а с полом у муарманцев все сложно, их у муарманцев пять. Судя по густоте «мишуры», от которой уже почти ничего не осталось, пол «огурца» был четвертым, сложно-гибридным.

Я достала из рюкзака баллончик с органической взвесью, прихваченный из дома режиссера, и щедро опылила муарманца. Тот вяло поглотил небольшое облачко у условного «лица» – поверхности под клубком отростков. Ест, и то хорошо. Фу, какая вонь у этого корма!

«Огурцу» повезло, что первым на него прыгнул самый маленький кибер. Он сбил муарманца на пол, «облизывая» своими дезинфицирующими манипуляторами, и я отбросила робота ногой и подхватила «питомчика» на руки. Вслед за первым уборщиком налетели остальные. Удары ног их не отпугивали, а сопротивление раззадоривало – перед ними был объект несомненно неопрятный, нуждающийся в дезинфекции. Воспитанные на концепции чистоты и порядка киберы азартно карабкались по джинсам. Мне стало страшно – уборщики явно не собирались отступить от протокола «ни пятнышка, ни крошки».

– Это не грязь! Это корм! Стоп! Стоп! Фу! Фу!

– Что здесь происходит?!

– Отзовите ваших киберов! Они напали на Огурчика!

Вместо того, чтобы отогнать уборщиков, киборгша прищурилась, оглядывая столик с каплями взвеси, и рывкнула:

– Обработать!

– Вы издеваетесь?! – заорала я, прижимая к себе слабо подергивающегося муарманца.

– Грязь и беспорядок! Не положено!!! Ату ее, иначе она нам все разнесет по дому!

Один кибер повис у меня на поясе и потянулся к муарманцу жадным манипулятором, под тяжестью других начали сползать джинсы. Я схватила баллон с кормом и пустила щедрую струю биовзвеси на киборгшу:

– Вон там! Там грязнее! Все туда!

Киберы на минуту замерли в нерешительно, попадали с меня, как перезревшие фрукты, и облепили хозяйку. Киборгша потеряла равновесие и завалилась назад, продемонстрировав мне крепкие ноги под юбкой и панталоны в незабудках. Уборщики «облизывали» ее розовое платье в цветочек.

– Вашим киберам не понравилось мое комнатное растение! – обвиняющим тоном произнесла я, осторожно обходя циклоншу по большой дуге и держа в вытянутой руке баллон со смесью.

– Мне оно тоже не очень нравится, – киборгша подергивалась, пытаясь встать, но роботы не унимались. Один из них

опрыскивал дезинфектором ее волосы.

– Ах так! Значит мне ваша квартира НЕ ПОДХОДИТ!

– Я ТОЖЕ так полагаю! – проревела циклонша.

Я быстро осмотрела муарманца, к счастью не найдя серьезных повреждений (шкура у «огурца» действительно оказалась прочной, детки-почки держались на своих местах), и засунула его в рюкзак. Схватив сумку, не удержалась: вернулась к администраторше, погребенной под киберами, и, наклонившись к ней, мстительно той сообщила:

– А вы не можете полагать! Вы киборг! Удачи вам и чистоты!

На улице я с тоской оглянулась на пряничный домик и сказала, повернув голову и обращаясь к рюкзаку с муарманцем:

– И что теперь?

«Питомчик» опять промолчал.

– А, ладно! – сказала я. – Один раз живем! Мы, по крайней мере. Насчет тебя не знаю.

У меня были деньги: личный счет (на обучение и карманные расходы) и та сумма, что перевел мне бывший владелец «огурца». Сегодня можно переночевать в гостинице, а завтра продолжить поиски жилья. По крайней мере, теперь я знаю, что муарманца нужно держать подальше от киберов. И да, кстати, он больше не орет. Я очень надеялась, что это свидетельствует о том, что инопланетянину комфортно, а не о том, что у него больше не осталось сил звать на помощь.

Меркьюри Клайв позвонил, когда я проходила по бульвару, направляясь к ближайшей гостинице. Это был хмурый мужчина, в очках и с пышной шевелюрой

– Вы звонили, – сухо констатировал ученый.

– Да, да, – пробормотала я. – Я могу в другое время, хотя...

– Не надо в другое, – биолог поморщился и вздохнул. – Что у вас? Вы написали мне какую-то белиберду.

Я быстро принялась рассказывать и дошла до ситуации с детками, когда Клайв, нахмурившийся так, что лоб покрылся сеткой морщин, рявкнул:

– Как?!

– Случайно... подбросили...

– Я не спрашиваю, как он у вас оказался! Я спрашиваю, как вы могли не знать, мисс Лейнер, что в фотосинтезе... – ученый проговорил труднопроизносимое латинское название муарманцев, – симбиотически участвуют цианобактерии, обитающие лишь в почве Муар-мана. Это было в лекциях! Кислородный фотосинтез, а также медь, марганец, оксид азота в качестве акцепторов электронов! Это же элементарно!

– Вы меня помните? – пролепетала я.

– Конечно! Я помню всех недоу... студентов с вашего факультета! Хотя, надо признать, вы выделялись из серой массы вашего... хм... инновационного направления! Вы уже провели с муарманцем психотерапевтический сеанс? Попро-

ворили на тему того, что его беспокоит? И он вам не сказал... – следующие слова биолог проорал, – ... что ему тяжело дышать?!?!

– Я, наверное, не была на вашей лекции... болела... – вжав голову в плечи, призналась я. Ну почему меня все всегда заминают?

Биолог фыркнул и немного угрожающе пообещал:

– Мы еще поработаем с вами в следующем учебном году. А пока – вот! – мужчина сделал жест ладонью, и ко мне в комфон прилетел файл, на голографической обложке которого Клайв ожесточенно размахивал руками перед покрытой каракулями доской. – Моя лекция. Посмотрите.

– Но где мне взять эти... бактерии?

– У меня есть грунт с Муар-Мана. В следующее воскресенье я буду на Земле. Сможете встретить меня на лунном космодроме? – уже спокойнее поинтересовался ученый.

– Без проблем! – обрадовалась я.

Раз муарманец больше не орет, не нужно так спешить на его планету. Я еще не знаю, какие условия работы ждут меня в лаборатории и стоит ли навлекать на себя гнев куратора, срываясь в путешествие в первую же неделю практики.

– А он доживет до следующего воскресенья? – встревожилась я.

– Покажите мне его, – потребовал Клайв и, бегло осмотрев «огурец», сказал: – Несомненно. Если бы вы слушали мою лекцию, то знали бы, что условия жизни на Муар-Ма-

не очень нележки. Подобное состояние для беременной особи четвертого пола, разумеется, крайне дискомфортно, но во время движения болот случается и не такое.

– Я обязательно посмотрю вашу лекцию, – с энтузиазмом обещала я. – Я выучу ее наизусть!

– Очень на это надеюсь, – язвительно проговорил Клайв, прежде чем звонок завершился.

Глава 3. Идеальный бойфренд

В лабораторию вошли двое: мужчина и мальчик, лет десяти. На обоих были брюки из грубой ткани на подтяжках, клетчатые рубашки, сапоги и шляпы с помятыми полями. У отца на сапогах подсыхали ошметки грязи. Пар комков отвалилась прямо в лаборатории. Маша даже бровью не повела – все ведь ясно: простым труженикам не до реверансов, они и так от работы оторвались, отыскиали время и на дорогу, и на беседу с человеком из Отдела по Кибербезопасности. И пусть перелет в обе стороны и перевоз кибера им оплатили, недовольства на лице фермера столько, что будь Маша молоденькой лаборанткой, уже давно стушеввалась бы. Она приветливо поздоровалась с вошедшими. Мальчик вежливо ответил, мужчина неодобрительно окинул фигуру Марии взглядом:

– Профессор, значит? Мария Бронски? – во взгляде мужчины явно читалось: если тут, у них, в профессорах вчерашние студентки, то что говорить обо всем остальном?

– К вашим услугам, Мистер Джуроу, – ровным тоном ответила Маша.

– И зачем, позвольте вас спросить, тащились мы через пол-Кластера с этой издевкой над Божьей Волей... профессор? – фермер указал на кибера, стоявшего посреди лабора-

тории.

– Вам компенсируют все расходы.

Фермер крикнул:

– Уж компенсируйте, убытки-то немаленькие. А ваша-то выгода в чем?

– Мы изучим вашего кибера, чтобы избежать повторения подобных проблем в будущем.

– Проблем? – мужчина возмущенно фыркнул. – Точное слово – «грехов»! Я покупал это... исчадие ада как машину для работы на полях, а оно *завело дружбу* с моим сыном, – фермер сплюнул на пол. – Никакого изучения! Требую, чтобы вы уничтожили это дьявольское отродье прямо при мне! Тот человек... из этого, вашего... Отдела, сказал я имею на это право, денежки ведь мои.

Маша мысленно вздохнула. Ну если куратор ее лаборатории Октав не смог уговорить гостя не утилизировать робота, то ей это и подавно не удастся. И все же она попыталась.

– Если вы позволите нам сохранить кибера для дальнейшего исследования, вам выплатят его двойную стоимость. И еще компенсацию.

– А эта ваша компенсация... и ваши двойные деньги смогут грех с души моего сына? – мистер Джуроу посмотрел на Машу исподлобья.

– Я уважаю ваши...

– Вот и уважайте, дамочка. Знаю я, что вы обо мне думаете, мол, чокнутый фермер с занюханной планеты, тронув-

шийся на религии.

– Я так не думаю.

– Вы все так считаете. Мои предки заработали право на собственное волеизъявление, покоряя космос и вливая пот и кровь в нашу землю. А потом кто-то, вроде вас, привыкших к комфорту, диктует нам свою волю и морщится при виде нас, простого люда, верного Господу во всех его заповедях. Скоро нам, небось, и прилетать на Матушку Землю запретят, люди не любят, когда им напоминают про их несправедное поведение. Ну ничего, посмотрите тогда, что значит остаться без жратвы и ресурсов. Забыли, кто вас кормит?

Маша молча ждала. Спорить с этим человеком было бесполезно. Сельскохозяйственного кибера доставили в лабораторию утром. Его владелец пожаловался в «Си Эс», что машина «дьявольским образом ожила», и его сын, поддавшись искушению, стал обращаться с ней, как с домашним питомцем, еще и имя ей дал, тоже сатанинское, языческое. Отдел отслеживал подобные сигналы и перенаправлял их на Землю. Это была Машина область деятельности. Ей выдали грант на изучение таких случаев, и она уже неплохо продвинулась.

Что бы ни говорил владелец робота, а именно обещанные Отделом немалые деньги позволили сохранить «жизнь» «исчадию ада». На корпусе робота имелись вмятины. Наверняка фермер отвел на нем душу, узнав о том, что функции кибера выходят за рамки копателя грядок и сборщика овощей.

Ничего, главное, кор-плата осталась целой.

– Я обещал сыну... попрощаться с этим... я не тиран и люблю свою семью, – неохотно продолжил Джуроу, не дождавшись от Маши какой-либо реакции. – Георг, у тебя есть время. Помолись Господу, чтобы он простил тебя и людей, сотворивших сию... пакость.

Мужчина вышел из лаборатории, топоча грязными сапогами. Скорее всего, пошел в отдел выплат, получать компенсацию. Маша посмотрела на мальчика. Тот стоял, опустив голову. В отличие от отца, шляпу он снял и теперь теребил ее в руках.

– Если хочешь помолиться, я могу выйти, – сказала Маша.

Мальчик покачал головой и ответил срывающимся голосом:

– Я уже много молился. Отец велел.

– А... Этот кибер был твоим другом?

– Машина не может быть другом. Она неживая. Отец сказал, – мальчик впервые поднял на нее глаза.

– Может, ты и прав, – кивнула Маша. – А что он делал у вас на ферме?

– Собирал клубнику.

– О, я люблю клубнику!

– Локи... он тоже ее любил, – сказал мальчик. – Он мог есть все. Даже землю. Но любил клубнику и морковь.

– Вы ведь как-то общались?

– Да, – тихо признал Георг.

– Как? – Мария не смогла сдержать любопытство: у киборга не было речевой функции. – У тебя стоит имплант?

– Нет, отец говорит, это дьявольское изобретение. Мы...
– мальчик замялся. – Я говорил с ним, а он мигал. Один раз – «да», два раза – «нет».

– Хм... – усомнилась Маша – ответов «да, нет» для заполнения пластины-накопителя до нынешнего состояния было явно маловато. Увы, Мария так и не смогла выудить «воспоминания» кибера, во включенном состоянии он «сопротивлялся». – Ты что-то загружал ему на плату?

– Да, – Георг почти шептал, – я скачал ему... свои мультики. Через комфон друга. У меня нет своего комфона. Я люблю придумывать мультики. Вечерами, когда мне нечего делать... лежу в кровати и придумываю, а потом сбрасываю на комфоны друзьям в школе. Им нравится. Они никому не говорят... они знают. И вы тоже никому не говорите!

– Не скажу, – пообещала Маша. И поинтересовалась: – А мультики про кого?

– Про роботов, – мальчика было еле слышно, – маленьких киберов. Они живут в доме у одного мальчика и помогают ему. Они очень смешные... путаются под ногами и часто все портят. Семья мальчика думает, они просто уборщики. Я таких видел. У одноклассника. Смешные...

Маша выудила из пластикового контейнера одну из отработанных, вскрытых кор-плат, показала ее Георгу:

– Видишь, что там внутри?

– Процессор?

– Да. И много чего другого. Например, терманитовая пластина. Терманит – материал, способный хранить большие объемы информации. Она записывается прямо на молекулярную решетку. Это не просто информация, а данные с очень сложным, многоуровневым алгоритмом.

– Я знаю, – осмелевшим голосом сказал мальчик. – Мы в школе проходили. Раньше кор-платы были большими и неудобными, а киборги очень примитивными. Потом открыли свойства терманита. Один ученый нашел, как записывать на него данные. А второй... нам его еще в школе всегда приводят, как пример... забыл... он нашел, как делать маленькие кор-платы для киборгов, – на щеках Георга проступил слабый румянец.

– Это был Кирилл Демидов, один из разработчиков линейки джей-семь компании «Сайклон Серендипити», – улыбнулась Маша. – Благодаря ему, наши циклоны сейчас такие... умные. Но первым свойства терманита обнаружил профессор Мацумото. Я его немного знаю.

Маша почувствовала, как в груди заворочался ком тревоги. В Отдел ее больше не вызывали, несмотря на то, что она сама попросила Октава о встрече. Она хотела выудить у разговорчивого куратора, который явно неровно к ней дышал, хоть какую-нибудь информацию о профессоре. А повод у нее был вполне реальный: циклоны Мацумото вели себя неадекватно. Оба. Но один особенно.

– Пожалуйста, не убивайте Локи! – вдруг взмолился ребенок.

– Ты же сказал, он неживой, – Маша вздохнула.

– Я... я не знаю.

– То, что произошло с тобой и Локи, мы называем «когниция». Ты записал на кор-плату свои чувства и мысли. Кибер их усвоил. Конечно, он не совсем живой. И даже не условно-живой. Однако у него есть своеобразный интеллект, а теперь и некоторое подобие И-Кью (***англ – EQ emotional quotient, коэффициент эмоционального развития**). Как вы общались после записи мультиков?

– Он... рисовал всякие рисунки на табло температуры и графиков полива. Там всего два цвета, красный и зеленый, но все было понятно... Что я буду теперь делать? – Георг заплакал. – Он был моим другом! Как наша собака Джея! Джея тоже не хотела умирать, когда состарилась! Отец отвез ее к ветеринару! Как Локи!

– Есть один выход. Знаешь, как мы поступим...

Дверь с грохотом отворилась.

– Ну что? – грозно поинтересовался мистер Джуроу. В руках у него были бумаги, а вид был почти довольный. – Чего ревешь?

– Он раскаялся, – с энтузиазмом сообщила Маша фермеру. – И осознал. И облегчил душу... рыданиями.

– Ну... – с сомнением пробормотал мужчина, глядя на отчаянно ревущего сына. – Ломайте эту дрянь, пока он вам тут

море не налил!

– «Си Эс» предоставит вам другого сельскохозяйственно-го кибера.

– Я в курсе, дамочка, – фермер потряс кипой бумаг, – и не собираюсь отказываться. Вот только, если он опять выкинет фортель, уничтожу на месте.

Маша подошла к киберу, вытащила кор-плату и закинула ее в утилизатор. Мгновение – и терманитовая пластина была развеяна в пыль вместе с процессором. Георг зарыдал еще горше. Наверное, только то, что его отец держал в руках старомодные бумажные чеки на выплату денег в банке, позволило благодушию возобладать над гневом: фермер занес длань над головой сына, но в последнюю секунду просто слегка шлепнул его по затылку. Мистер Джуроу повернулся и вышел, гаркнув:

– Шевелись!

Маша быстро вынула из кармана еще одну плату, уже настоящую, с «личностью» кибера Локи, и протянула ее Георгу:

– Держи! Ты знаешь, что делать. Уговори отца заказать кибера с экраном побольше. И никогда не общайся с ним при папе.

На лице мальчика мгновенно высохли слезы. Он схватил кор-плату и запихнул ее в карман.

– Не выдашь?

– Нет! Спасибо вам, тетенька!

Георг убежал вслед за отцом. Маша развернулась к киберу, задумчиво на него глядя.

– Пожалуй, уничтожу-ка я ту копию с платы, что я сделала для тестирования, – пробормотала она. – Скажу, что фермеры ошиблись. Ненавижу, когда питомцы скучают по своим хозяевам.

... Вернувшись домой, она приготовила нехитрый ужин из овощей, поела, включила вирт-борд и потеряла уставшие глаза. Это был ее седьмой запрос за месяц. Отдел молчит, не снисходит до объяснений. Она провела все необходимые тесты, отправила полный отчет, приписав свое личное мнение и рекомендации. Заказчики за киборгами так и не явились – то ли Отдел внял ее предупреждениям, то ли срок заказа истек. Такой киборг, как клон Синклера, стоит от трех миллионов цоло и выше, из-за дороговизны генетического материала – потенциальные покупатели могли и передумать. Маша была уверена, что стоимость Си-два была увеличена еще и за счет того, что на его кор-плату был записан полный образ личности селебрити, созданный им при жизни – так поступают многие кинознаменитости, на случай болезни или другого форс-мажора, чтобы режиссер мог использовать для фильма компьютерную sim-оболочку актера.

Но кто-то же заказал его изготовление! А второй циклон? Ай-каб, «выросший» из возраста игрушки. Пять смен тел, потом отказ «родителей» и отправка на склад. Кому он по-

надобился? Почему его «разбудили»? С какой целью Мацумото его исследовал?

В делах циклонов ни слова о заказчиках, Отдел в этой информации отказал, а ведь Маше нужно знать! Она пыталась объяснить: кому-то странности программы клона Синклера могут показаться забавными, а для кого-то стать неожиданным и неприятным сюрпризом. Было ли совпадение характера «изделия» с норовом оригинала особым пожеланием заказчика? Не станут ли затем Маша и ее лаборатория козлами отпущения?

Мария прочитала все, что смогла найти об актере, материала в Сети было много, у звезды был большой фан-клуб, занимавшийся исключительно сбором изображений, фото, интервью и слухов. Судя по всему, фанатам приходилось несладко, характер у Синклера Итиро был наисквернейший. Нет, поклонников он почти не обижал – он от них прятался, а при встрече их игнорировал. Менеджеры звезды выли. Синклер не только не стремился поддерживать позитивный имидж айдола, он этот имидж старательно разрушал. За год он сменил девять агентов.

Видимо, сложности членов фан-клуба Синклера только закалили. Они добывали информацию об объекте поклонения с упорством, достойным восхищения: хакеры, ломающие систему защиты, чтобы над домом актера на побережье Австралии могли пролететь дроны, жучки на одежде от «случайного» прикосновения к предмету обожания на поро-

ге студии, даже снимки с частных спутников. Именно фан-клуб Синклера был обвинен в гибели актера. В Сети миллионы копий одного и того же видео: Итиро стоит у бассейна, на него летит дрон, якобы со сбитыми настройками, мужчина видит его, но ничего не предпринимает, лишь меняется в лице и делает шаг назад, а потом падает в бассейн спиной вперед. Камера демонстрирует металлические поручни, угол бортика, живую изгородь – дрон продолжает движение, уже над морем, камера гаснет.

В полицейском отчете было сказано, что Синклер потерял сознание и захлебнулся. Холодная вода бассейна, и в результате резкое сужение сосудов? Маша пересматривала это видео целый месяц, когда мысли о циклоне принимались слишком настойчиво донимать ее долгими вечерами в пустой квартире, и каждый раз скептически качала головой. Все возможно. Но выражение лица актера... что с ним не так? Что за обреченность во взгляде, словно Синклер смотрит в лицо смерти и знает об этом? В организме не было обнаружено следов впрыскивания яда, электрического воздействия и прочих признаков покушения. И все же... Говорят, двух школьников из фан-клуба едва вытащили с того света после попытки суицида, когда он отказался с ними общаться. Может, месть? Следствие рассматривало и этот вариант.

Маша прикоснулась пальцем к застывшему на экране лицу... и отдернула руку. Как же трудно все время помнить, что в лаборатории перед ней не человек с фотографии, а

клон! Лицо у Синклера жесткое, совсем не смазливое. Или это взгляд такой? Его мать – известная актриса, земная японка, отец – торговец, выходец с одной из планет Азиатско-Тихоокеанской Консолидации. Смешение разной крови породило у их отпрыска невероятные, притягательные черты. О личной жизни актера ничего не было известно. Как такое возможно? И какое тебе дело, Мария Бронски, до жизни человека, которого уже нет на свете?

На следующий день, закончив тесты очередного кибера, доставленного по «спецотбору», она проверила карманы халата, обнаружила в одном из них тюбик губной помады, рассердилась, выскочила в коридор, вернулась, поправила прическу перед зеркалом и пошла в бывшую лабораторию Мацумото.

Киборг, называющий себя Эл, сидел на подоконнике, равнодушно глядя через окно во двор Института. С ним все было нормально, внешне: реакции в пределах нормы, ожидаемые показатели сома-динамики и отличный психологический анамнез. Вот и сейчас он повернул голову и вежливо с ней поздоровался. И все же от его взгляда по спине Маши пробежали тревожные мурашки. Второй клон остался сидеть на диване, запрокинув голову на спинку и закрыв глаза, лишь буркнул:

– Добрый день, профессор Бронски.

– Добрый день. Эл, у тебя сегодня диагностика.

«Мальчишка» на подоконнике кивнул и пробормотал:

– Принято, профессор. Отправляться сейчас?

– Да, лаборатория soma-инженерии.

Эл вышел. Синклер Итиро повел плечами:

– Еще одна диагностика?

– Да, перед введением вас с Элом в гибернацию, – Маша уже погрузилась в работу, двигая графики на рабочем фоне, отмечая малейшие изменения в работе кор-платы. – Больше нет необходимости держать вас двоих в лабораторных условиях, тесты я закончила, заказчики пока так и не объявились. Как только они дадут о себе знать, вас выведут из «сна». Сейчас еще один осмотр у soma-инженеров, а потом на склад.

– Когда? – клон сидел на диване, выпрямившись, глядя на нее исподлобья.

Маша невольно оглянулась на дверь, но потом взяла себя в руки и сказала тем ровным тоном, каким обычно разговаривала с циклонами:

– Думаю, в субботу. Я скопирую твою кор-плату. Мне нужно проверить ячейки памяти.

– Чувствуйте себя в моем процессоре, как дома, мисс Бронски. И в моей голове. Мне будет приятно ощущать там ваше присутствие. *Едва я прикоснусь к цветку, он вянет – едва коснусь твоего плеча, ты робкой ланью становишься на склонах, поросших колючей...*

Маша быстро нажала на кнопку на комфоне и выдохнула – киборг вновь откинулся назад, опустив голову на плечо.

– Ланью... – пробормотала Маша слегка дрожащим голосом. – Я бы не отказалась от бойфренда, которого можно отключать в тот момент, когда он начинает декламировать поэмы. Ох! Как же я теперь кор-плату достану?

Ее и раньше немного смущал момент извлечения процессора. Ей казалось, что Си-два обнажается слишком охотно и больше необходимого. Медленно расстегивает рубашку, снимает ее, ложится, играя мышцами на спине, вместо того, чтобы просто вытянуться на столе. Но это тоже могло быть издержками программы, заказанной клиентом. Или Синклер при жизни был таким.

Киборг сидел на диване. Включить его и попросить лечь на диагностический стол? Опять начнет язвить. А набор речевых конструкций на каждый случай у него богатый – небось самого Синклера личный лексикон. Ладно. Маша решительно подошла к дивану, встала на него одним коленом... и замерла. Лицо клона было совсем рядом. Маше захотелось всплакнуть.

– Не, ну охренеть! Просто издевательство над бедной девушкой, у которой уже три года не было отношений. А нормальных отношений не было с самого универа, – пожаловалась она отключенному киборгу. – И кому же ты мог бы достаться? Какой-нибудь богатой фанатке? А давай я денег скоплю и тебя выкуплю? Ты прав. Мне как раз за сотню перевалит, пока на счету достаточно наберется. Впрочем, если не есть, не спать, а только работать... – она подбадривала се-

бя, обняв киборга спереди и шаря руками по его спине под рубашкой. – Есть!

Она все-таки не выдержала и коснулась кончиками пальцев его лица. И губ. Рука киборга скользнула у нее по груди, когда она сажала его обратно. Подавив мучительный вздох, Маша отстранилась. Веки у клона подрагивали. Нормальная реакция. Процессору требуется примерно год, чтобы подчинить мозг «изделия», сделать его своим продолжением, дополнительным накопителем воспоминаний и опыта, не выходящих за рамки программы. И хотя всеми функциями организма клона руководит кор-плата, всегда имеют место обычные остаточные реакции.

После копирования Мария вставила деталь на место и нажала на пульт. Киборг поднялся, с недоумением посмотрел на диван и принялся поправлять на себе одежду, укоризненно поглядывая на девушку:

– У вас волосы растрепались.

– Я доставала кор-плату.

Вопреки ожиданиям Маши, Си-два не воспользовался возможностью съязвить. Клон сделал холодное лицо и сказал:

– Мне нужно с вами поговорить.

– Говори. Стихов не надо.

– Хорошо, Мэри, – Синклер улыбнулся. – У меня к вам послание от профессора Мацумото. Поскольку нас отправят на склад в субботу, я передам его вам в пятницу.

– Говори сейчас, – Маша заволновалась.

– Не могу. Это мои... гарантии. Это сообщение касается вашего брата.

– Я приказываю. Авторизация семь-ноль, – закусив губу, велела Мария.

Киборг покачал головой.

– Не работает, Мэри. Мацумото поставил на меня защиту. Он знал. В пятницу. Здесь.

Маша скрипнула зубами, но кивнула. Когда она уже шла к двери, Си-два сказал ей в спину:

– Ты и в сто лет будешь красавицей, Мария. Я согласен.

Маша обернулась, непонимающе тряхнула головой и вышла.

Глава 4. Условно выживший

Проходя по коридору U34 станции в двести семьдесят седьмой раз, Айви Бронски вдруг осознала что этот проклятый двести семьдесят седьмой раз – последний. Ее контракт, как и контракты других «собеседников», отработан. Сказочке конец, всем поучаствовавшим – особая благодарность от лица человечества. Рука, протянутая к электронному считывателю, задрожала. Айви шагнула в круглую, минималистически обставленную сорок шестую гостиную станции.

«Мир» стал ей родным домом. Русские тут все отлично организовали, по-домашнему уютно. Правда, иногда Айви немного смущало, что из торс-пакетника у шлюзов почему-то торчала отвертка («чтоб не выбивало», как ей туманно объяснили), а клапана антигравов были затянуты проволокой и перевязаны веревкой.

На станции было комфортно. Все, так или иначе, работало, а проблемы решались, хоть и громко, с использованием непривычной уху... лексики – Маша, постоянно учившая русский язык и натаскавшая сестру, так не выражалась... нет, выразилась, один раз, после того, как ее впервые вызвали в Отдел. И все же, почему «Мир», а не, скажем, «Титан» Американско-европейской Консолидации? Впрочем, какая разница? Главное, Чужие здесь, на Земле, и до сих пор...

вещают, дарят человечеству свои подарки – не за так, в обмен.

Айви увидела свое отражение в иллюминаторе. Вид у нее, конечно... Глаза на мокром месте, покрасневшие от недосыпа, волосы лохматые. Интересно, какой видит ее ОН? Голубоглазая блондинка в отражении вздохнула и потерла круги под глазами. Вчера ОН отпустил ее за полночь, а сегодня велел явиться к пяти утра. Вот вам и стрела в огород тех, кто считает Чужих гуманоидами. Ну разве могли бы гуманоиды выдержать такой темп работы (спать по четыре часа в сутки и мотать нервы своим «собеседникам» оставшиеся двадцать часов, иногда без перерыва на обед)? Айви не могла бы, а она типичный гуманоид. Девушка, которая работала с НИМ полтора года назад, была отправлена домой с нервным срывом. А Айви выдержала весь положенный срок. А вдруг это произошло потому, что ОН относится к ней... по-другому? Пожалуйста, пожалуйста, пусть ОН хоть отдаленно человека напоминает! Неужели она так никогда и не выяснит, как ОН выглядит?! А вдруг у него... полипы по всему телу и щупальца! Угораздило же ее влюбиться в пришельца!

Айви взгляделась в матовую панель, отделявшую часть гостиной. На «Мире» еще сорок пять таких гостиных. Каждая поделена пополам матовым стеклом, через которое практически ничего нельзя разглядеть. Даже силуэт. Это нарушает законы оптики. Панель подсвечена изнутри, но ОНИ появляются за ней каждый раз неожиданно, без малейшего зву-

ка или... тени. На панель проецируются изображения. Картинки ничем не отличаются от обычных земных ментальных или компьютерных образов, ну разве что обладают большей четкостью.

ИХ каждый раз интересуется что-то новое. Специалисты на станции, так называемые «собеседники», распределены по гостиним в зависимости от сферы деятельности: науки, технологии, искусство... разные виды знаний, включая квазинаучные, псевдонаучные и антинаучные. Сферы деятельности Айви – живопись, архитектура, музыка, литература. Она культуролог. Три года назад ее выбрали Чужие, точнее, один Чужой, ОН. А почему ее? Айви покосилась на иллюминатор. Блондинка. Красивая, несмотря на красные глаза. Умная... кажется. А ОН? Он какой?!

Все эти три года он всегда заставлял ее врасплох. Вот и сейчас его голос прозвучал совершенно неожиданно.

– Вы выглядите уставшей. Готовы к беседе? – мягкий, обволакивающий сознание тон. – Сегодня ведь последний день вашего контракта? Я буду скучать. Послушаем музыку?

Айви встрепенулась: скучать? ОН это серьезно?

В гостиной зазвучала Нота. Она выла и скрежетала, у Айви по телу побежали нехорошие мурашки. Захотелось пробежать к двери и посмотреть, не горит ли на табло сигнал тревоги. Наконец-то Нота сменилась неким подобием музыки. Тоскливо ныл саксофон, хаотично вступали ударные.

– Ваше мнение? – спросил Чужой, когда, к облегчению

Айви, это закончилось.

– Ужасно, – сказала она.

– Современный композитор с Земли, некогда очень популярный, но ставший неформатным.

– Понятно, почему.

– Теперь вот это.

Оркестр. На этот раз мелодия трепетала, взлетала ввысь и резонировала в грудной клетке у Айви – восторг, шаловливое предвкушение, веселье. К разочарованию Айви, не дав ей дослушать, ОН поставил другую «запись». Немного мрачный, философский инди-рок, очень старое, классическое направление, вернувшее себе популярность в последние пять-шесть лет.

– Один и тот же исполнитель, майнд-композитор и музыкант по имени Феб, – прокомментировал ОН. – Сценический псевдоним, я так понимаю.

– Я слышала о нем. Майнд-композитор, один из тех, кто управляет электронными музыкальными инструментами с помощью мысли... Насколько я помню, в последние годы Феб ушел в творческие эксперименты, а затем в депрессию. Теперь еще понятнее. Наверное, первое произведение – это творческий эксперимент с элементами депрессии. Или уже ее разгар.

– Вы правы. А последний трек – это где-то «между». Но почему?

– Почему что? – озадачилась Айви.

– Как творческий путь Феба привел его к тому, что гармония превратилась в хаос? Вы знаете это, Ив?

Айви скрипнула зубами. Она сотню раз говорила, как читается ее имя (*Ivy). ОН продолжал называть ее Ив. Звучало это... двусмысленно (*по аналогии с англ. Eve – Ева). Словно она была единственной женщиной на Земле. Соблазнительно это звучало. И цинично. ОН-то уж точно не был Адамом, черт возьми!

– Нет, я не знаю. Я с ним не знакома. Что-то личное?

– Это встречный вопрос? Вы полагаете, я знаю? Я тоже с ним не знаком, – вечно ОН иронизирует.

– Да... но... разве можно сделать вывод об эволюции человека, не зная подробностей его жизни?

– А зная, можно?

– Думаю, да.

– Так узнайте!

Их общение часто бывало таким: начиналось с демонстрации произведений искусства, обсуждением, переходящим на личности... на личность Айви, а заканчивалось философствованием и пространными намеками. На станции запрещалось обмениваться информацией о «беседах», но до слуха Айви кое-что все же долетало. Никто из тех, кто секрету рассказывал ей о своих контактах с Чужими, в том числе философы, психологи и искусствоведы, никогда не открывали с пришельцами в стиле «поиграем словами». Или Айви достался *особенный* пришелец или ... особенной была

она сама (романтическое утверждение-надежда – повод пошутить с сестрой Машей).

– Что узнать?

– Вы сегодня отлично выглядите. Только, прошу, выспитесь. Вы заслужили свой бонус. Пришлите ко мне специалистов в области торс-полей. Это торс-лифты. Они упростят переправку пассажиров с предпосадочных станций и обратно. Впрочем, скоро они не понадобятся, но для человечества – это очередная игрушка.

– Хорошо, – растерянно проговорила Айви. – Разве мне тоже полагался подарок?

– Не вам, вашему виду. Вы его заработали, Ив, вы меня... развлекли. То ли еще будет. До встречи, Ив.

– Я...

В гостиной наступила тишина. Панель горела молочным светом. Айви тяжело вздохнула и направилась к двери. Голос, ЕГО голос, вновь заставил ее вздрогнуть:

– Оглянитесь.

Она повернулась, медленно, на ватных ногах. За панелью виднелся силуэт. Мужской – трапеция из широких плеч и узких бедер. Айви смогла рассмотреть, что мужчина довольно коротко подстрижен. Полипы не наблюдались. Он положил руку на панель. Темный отпечаток позволил Айви посчитать пальцы. И с пальцами у Чужого все было хорошо – их было ровно пять.

– Считайте это своим заданием, Айви. Феб. До встречи.

Она замерла. Силуэт исчез. Айви вышла за дверь, еще не осознав, что только что увидела. К ней, как всегда, согласно процедуре, подошел технический сотрудник станции. В ответ на вопросительный взгляд она ответила:

– Обещан подарок. Нужны специалисты в области торс-полей.

Сотрудник удивленно кивнул – «собеседники» из области культуры и искусства редко передавали человечеству дары от Чужих, являясь, скорее, организаторами досуга пришельцев.

Она пошла к себе. И зайдя в каюту, долго сидела на койке, глядя в стену и улыбаясь.

... Том Кавендиш шел по коридорам некогда родного Бюро, недоумевая и досадуя. Зачем Слейт его вызвал? Кофейку с бренди дернуть? Вспомнить старые добрые времена? Уж меньше всего на свете Кавендишу хочется вспоминать эти самые времена. У него от этого спина начинает болеть. Костоправ говорит, это ложные боли и болеть там ничему. Хорошо, что ложные, а не фантомные, все-таки на своих ногах ходит, пусть и при помощи процессора.

Слейт поприветствовал его и запер дверь на ключ. Кофе не предложил. Том приободрился, но бывший начальник не сразу перешел к делу, поинтересовавшись:

– Как дела? Как работа? Как Лиз?

– Дела идут замечательно. Работа очень интересная, вот

как раз должен был лететь на Ферошию и записывать показания каких-то актеров-педиков, которые обвиняют своего директора в мошенничестве. Отличная работа! Лиз... не знаю, думаю, тоже прекрасно... где бы она сейчас ни была! – отчитался Томас бодрым голосом.

Слейт крикнул, молчал подошел к шкафчику, достал из него два бокала и бутылку, плеснул в каждый бокал с палец виски и бросил жидкость в свой крупный рот. Кавендиш последовал его примеру.

– Разбежались, значит?

– Ее нервировало, что я себе в голову боевички транслирую, по процессору, пока она свою романтическую чушь смотрит. Говорит, памяти у меня оперативной не хватает, слова начинаю тянуть, если она ко мне обращается.

Слейт только покачал головой и помолчал. Тому стало стыдно. Куда его понесло? Как будто это его бывший шеф виноват в том, что та пуля влетела Кавендишу в позвоночник.

– Слушай, Том, – начал Слейт. – Отдел Ноль хочет предложить тебе работу. Понимаешь, о чем я? О проекте «Подарок» слышал?

Кавендиш даже мигнуть не смог, не говоря уж о том, чтобы головой кивнуть – чип блокировал все виды передачи информации на эту тему. Начни он сейчас говорить, стал бы похожим на дебила с вязкой речью и тремором. Слейт понял – многозначительно покосился на руки бывшего агента,

опять встал, вынул из сейфа небольшое устройство, ввел в него код и приложил к запястью Тома. Чип мигнул, ментальная блокада спала, у Кавендиша в голове сразу же прояснилось. И ярким светом засияла НАДЕЖДА.

– Конечно слышал!

– Короче, проект закрылся. Вернее, накрылся. Медным тазом, – Слейт хохотнул, объяснил, полюбовавшись на вытянувшееся лицо Кавендиша. – Чужие свалили. Все сразу. В один день и час. Даже шлюзы не открыли, так и торсанули из отсека на своем блюдечке. Так вот, «беседы» их закончились на одной дамочке. Вот как она из комнаты вышла, так все чудики и сбежали. По мне, обыкновенная девчонка, сразу после университета работала в школе, потом зелененьким приглянулась. Как они их отбирали, «собеседников», никто до сих пор не знает. Однако Отдел аж кипятком писает, так хочет взять ее под свое крыло. Считают там, человечки с ней опять на связь выйдут, уже неофициально. С чего решили, кто их поймет? Ты знаешь, Том, я плохо отношусь ко всему, что начинается со слова «отдел», однако сразу порекомендовал тебя. На, почитай.

Слейт подал Кавендишу пластиковый лист с текстом. Том вчитался, побагровел и поднял глаза на бывшего шефа, раскрывая и закрывая рот в немой ярости.

– Тихо, тихо, – сказал Слейт, наливая своему бывшему подчиненному виски, уже пальца с три. – Знаю. Понимаю. Подумай.

– Они там с ума посходили? – хрипло поинтересовался Том. – Где я и где киборги?

– А что? Чем ты хуже железок? Сам же говоришь, без импланта по Сети ходишь! А им нужен человек, способный... чувствовать. Ну, Том! Ты же проходил курсы: психология там, интуитивное восприятие, язык тела! Справишься. Пойми, для тебя это шанс. Поработаешь на ребят, чем не продолжение карьеры? И такого, как ты, они больше нигде не найдут. Ты же... ты ж Кавендиш! Ты же мой лучший агент... был! Там дальше, дай бог, возьму тебя назад.

– Это в какой же должности? Условно-выжившего? – Томас усмехнулся, скривившись.

– Тебя турнули, потому что в истории Бюро *не было подобного прецедента*, – в тысячный раз принялся объяснять Слейт, изобразив голосом жеманные интонации директора ББР, Люсиль Райс, – короче, они не знали, чего от тебя ожидать – агенты с процессором повыше задницы у них еще не работали. Так прояви себя там, как должно, Томас! Создай прецедент! Будет прецедент – будет и место!

Том влил себе виски в горло, закашлялся, опустив взгляд на документ. В глаза опять бросился термин «условно-живой».

– Сейчас такие циклоны пошли, да-а-а. Прежние модели – железка железкой, а нынешние с их программой имитации личности – хрен от человека отличишь, – примирительно произнес Слейт. И признался, тоже в тысячный раз: – Не

люблю я их. И ты не любишь, знаю, знаю! А я тебе скажу, почему! Вот, возьмем, к примеру, то, в чем мы с тобой разбираемся – силовые структуры. Циклоны-охранники, телохранители, напарники, слава богу, до агентов-железок еще не дожили... Казалось бы, что может быть лучше существа с компьютером в... – полковник указал пальцем за спину Тома. – Вроде и процессор – штука быстрая, ситуации просчитывает в тысячах вариантах, и скорость стрельбы, и обучаемость, и человеческий фактор можно во внимание не принимать... Так почему статистика – вещь, как говорится, неумолимая – такие цифры выдает? В шестидесяти процентах случаев решение живого агента оказывается более верным, в тридцати процентах случаев отсутствие эмпатии не позволяет условно-живому агенту извлекать максимум из бесед со свидетелями, в двадцати процентах... а, ладно! Нет, я признаю: где важна грубая сила, там циклонам равных нет. Но Отделу, видно, сейчас не сила нужна, а как раз человеческий, мать его, фактор. Томас, друг, тебе шанс на вторую жизнь подарили. Ты это понимаешь?

Томас кивнул. Он понимал. За год до его последнего дела убили агента Клейтон, талантливую, молодую сотрудницу Бюро. Ранение у нее было таким же, как у Тома, но спасти женщину не удалось. Отдел по Кибербезопасности разрешил применять подобные хирургические технологии за три дня до того, как Кавендишу вошла в спину пуля наркодилера из трущоб Лондонополиса. Вот и не верь потом, что в рубашке

родился. Людей с имплантами, киберконечностями, клонированными и искусственными органами в Кластере хватало, но ни у кого из них не стояла в позвоночнике кор-плата от киборга.

– Слушай, Слейт, – Том помялся, подбирая слова для последнего, весьма весомого, на его взгляд, аргумента. – Я все-таки мужик, а там все-таки баба. Ну... всякое может случиться. Я ж у нее в квартире буду жить, а она меня за циклона принимать.

– Кавендиш, – полковник хмыкнул, – во-первых, девчонка сама киборгов терпеть не может, Отдел ее застращал, дескать, информация о проекте каким-то образом просочилась наружу и за всеми «собеседниками» теперь охотится страшный маньяк. Только так и уговорили. Во-вторых, дамочка – красотка, а ты, Томас, прости, сам небось знаешь, рылом не вышел.

Том хмыкнул. Внешностью своей он был доволен, при взгляде в зеркало вспоминался ему его дедушка, типичный шотландский «красавец-горец», только бороды не хватало. Ну да, не модель, разве что для какой-нибудь фермерской планетки на календарь сгодится: глаза круглые, совиные, рыжие волосы торчком, веснушки, зато девушкам когда-нибудь, а нравится. И на теле ни капли жира, одни мускулы и... жилы (все мужчины в роду Кавендишей были живчиками) – из-за постоянных тренировок по укреплению мышечного корсета. Да, еще глаза с зеленцой. Болотной.

Слейт сбросил к нему на комфон голограммку дамочки.

– Ни хрена себе! – протянул Том.

– Вот и я говорю, если что, терпи. Циклон ты или кто?

– И как мне себя вести? Морду кирпичем или как эти...

виртуалы?

Том погримасничал, сделав сладкое лицо и вытянув губы, Слейт с отвращением замахал на него руками:

– Разберешься, в Отделе дадут три дня на инструктаж.

– Ох, ... !

Отступать было поздно. Да и не хотелось отступать. На одной чаше весов – педики с Фεροшии, на другой – ничего-себе-блондиночка. Любой на месте Тома предпочел бы второе. А еще зануло в солнечном сплетении – так захотелось вырваться из четырех стен, в которых заперла его хандра, снова иметь цель, работать, общаться с коллегами. Хрен его знает, что там за общение сложится с таким «прикрытием», но помечтать-то можно. Кавендиш решительно взял в руки электронную ручку.

... Крышка сдвинулась. В правом верхнем углу зрения всплыл сигнал вызова – у его «хозяйки» был пульт. Киберразработчики бились над его сопряжением с процессором Кавендиша все три дня, пока длились тренировки. Том согнул ноги в коленях, поднялся рывком. Вовремя, а то ему в туалет захотелось. Хорошо, что циклоны в этих функциях, совсем как люди: и отлить ходят и... вообще. Блондинка сто-

яла возле контейнера, в котором Том якобы гибернировал (он действительно там заснул на радостях, что тихо и мягко, и проснулся по старой агентской привычке, услышав шаги).

Вид у девушки (Айви Бронски, двадцать восемь лет, не замужем) был унылый: большие голубые глаза смотрели грустно, уголки красивых губ опустились. Она подала ему руку – хороший знак – и спросила:

– У вас есть имя?

– Томас, – отрапортовал Кавендиш, тупо глядя перед собой, – модель пи-девятнадцать, ограниченный выпуск, функция «телохранитель».

– Очень... приятно, Томас... Том. Я Айви. Хотите, зовите меня Ив, – девица почему-то вздохнула. – Ну что, идемте?

– Пункт назначения? – механический голос давался Кавендишу легко, ребята из Отдела хорошо его натаскали, и к его великому облегчению, представлять комфонного виртуала в ходе операции не требовалось.

– Космопорт. Меня встречает сестра.

Кавендиш запросил карту лунных складов и путь к космопорту. Взгляд его в такие минуты и впрямь становился неживым, стеклянным. Судя по выражению лица блондинки, она видела в нем только циклона. По наблюдениям Кавендиша, люди его поколения делились на две группы: одни относились к киборгам с долей смущения, постоянно забывая о том, что перед ними компьютер в образе человека, а другие считали условно-живых рабами и игрушками, нико-

гда об этом не забывая и без стеснения пользуясь их функциями. Сам Томас не принадлежал ни к первой группе, ни ко второй – он ненавидел циклонов.

– Карта загружена. Нам туда. Поправка. Полный мочевого пузыря. Требуется опорожнение.

Мисс Бронски покраснела:

– Ну... вы быстро... справитесь?

– Да, мэ. Ждите меня здесь.

Он зашел за какие-то ящики, отслеживая по карте поворот к туалету, оглянулся и пошел дальше, посвистывая. Авось, дело выгорит. По крайней мере, некоторые бонусы в нем уже нарисовались.

Глава 5. Первый «рабочий» день

Ночь в отеле прошла очень неплохо. Правда, я часто просыпалась, чтобы проверить Огурчика. Тот хандрил, но в целом держался молодцом. Утром я чувствовала себя, как молодая мать после ночи с капризничающим младенцем. Проснулась рано, намереваясь пройтись по магазинам.

– Оставайся здесь, – сказала я Огурчику, собирая рюкзак. – Не думаю, что шоппинг пойдет тебе на пользу.

Огурчик как всегда промолчал. Я вышла на улицу и принялась просчитывать путь. Выяснилось, что мне нужно найти остановку турбодекера и сделать две пересадки. К счастью, станция была совсем близко, практически напротив отеля, поэтому я сразу услышала, как Огурчик «заорал». Его все слышали. Люди принялись морщиться и переглядываться. А я рванула к входу в отель. Внутри гостиницы было намного оживленнее, чем на станции. Постояльцы выходили, выбегали, вываливались и выползали из номеров. Кого-то тошнило. Чей-то киборг стоял у лестницы, мученически вращая глазами. А я уже привыкла, наверное. У меня лишь немного звенело в ушах. И еще меня пошатывало.

– Извините, простите, кажется, забыла выключить утюг, – бормотала я пробираясь по коридору и расталкивая дезориентированных постояльцев.

Муарманец успокоился почти сразу после того, как я прижала его к себе. Огурчика немного потряхивало.

– Слушай, – сказала я, чуть не плача. – Я, понимаю, тебе тоскливо и одиноко, наверное, я напоминаю тебе кого-то из твоих близких, но пойми – нужно социализироваться! Я же не могу таскать тебя повсюду с собой!

Огурчик как-то всхлипнул. Разумеется, он меня не понимал, но это не помешало мне почувствовать себя очень хреновым ксенопсихологом.

– Ладно, – сдалась я, прислушиваясь к тому, как под окнами отеля визжит полицейская сирена. – Я *могу* таскать тебя повсюду с собой, вот только как ты это перенесешь?

Я успела выскользнуть из отеля до того, как в него вошел полицейский в сопровождении кибер-копа. Меня внесло в вагон вместе с другими пассажирами. Столичный турбодекер представляет собой практически бесконечную ленту вагончиков. Небо над Лондонополисом, как и в других крупных земных столицах, уже лет пятьдесят закрыто для частных аэрокаров и турболетов. Турбодекеры исчертили все тридцать зон города причудливыми загогулинами. Как и большинство нерезидентов Л-Полиса, я предпочитаю их запутанному Лондонскому метро.

Я проверила свои сообщения в терминале вагона, где была плохонькая, но бесплатная Сеть. Сообщений от Клайва больше не было. Огурчик иногда шевелился в рюкзаке. Кажется, ему было не очень удобно. В дешевом Primark я ку-

пила белую блузку и классическую черную юбку, а на входе заметила рюкзаки-капсулы для перевозки кошек. Я выбрала капсулу с самым большим зеркальным иллюминатором. Мне очень хотелось верить, что теперь Огурчику будет интереснее передвигаться со мной по улицам.

Начальницы, то есть профессора Бронски, в лаборатории не было. В комфоне уже горело сообщение (без привычной голографии, но с подробными инструкциями), в котором Мария сообщала, что задерживается в другом корпусе Института и просит новую стажерку просмотреть план работы на лабораторном терминале.

В лаборатории было довольно мило. Если не считать того, что половина внушительного помещения была заставлена корпусами от киберов. Кроме меня у профессора Бронски было две лаборантки, которые в отсутствие начальницы занимались в основном тем, что пили кофе у аппарата в коридоре и носились туда-сюда с озабоченным видом. Ключа носом после тревожной ночи, я просмотрела план стажировки и окончательно приуныла. Выяснилось, что на протяжении всех двух месяцев практики в мои обязанности будет входить обычное «расчленение», то есть компьютерный анализ кор-плат с извлечением системной, рабочей и «накопленной» памяти. А где же таинственная Когниция? Почему из всех студентов университета Эмереи Бронски выбрала именно Мию Лейнер?

Через несколько часов лаборантки окончательно куда-то

испарились. Я осталась одна. Подождав с полчаса, я извлекла муарманца на свет божий, устроив тому тщательный осмотр. Одна из почек немного подросла, а вторая совсем привяла. Я в сотый раз проверила сообщения и, к своей радости, обнаружила голо от Клайва. Меркьюри Клайв был в своем репертуаре.

– Совсем забыл вам напомнить, – многозначительная пауза, – но вы, разумеется, об этом знаете, прилежная студентка Лейнер, – красноречивый взгляд, – что на Муар-Мане часто идут дожди. Не часто. ПОСТОЯННО! Уверен, что ни черта вы не помните! Когда вы в последний раз поливали муарманца водой?!!!

Я охнула, подхватила Огурчика вместе с его поддоном, выскочила в коридор и понеслась искать туалет. Буквы «WC» обнаружились справа от лестнице, почему-то в темном коридоре с одним плафоном странного красноватого цвета. Муарманец под кран не поместился, и, притопывая от волнения, я поставила его на край раковины и принялась поливать из пригоршни. Вода странно пахла.

– Ну почему, почему я пропускала лекции Клайва? – бормотала я. – Чего вдруг я решила, что если изучаешь психологию инопланетного разума, то физиологию знать не обязательно? Это же и дураку понятно: в здоровом теле здоровый дух! Просто в глубине души я никогда не верила, что в Кластере есть разумные существа! Вот не верила и все! Потому что такая же косная, как все остальные! Ну как ты, Огурчик?

Лучше тебе?

– Ему заметно лучше, – произнес задумчивый голос над ухом. Мужской.

Я вздрогнула и облилась. Повернув голову, с возмущением обратилась к парню лет восемнадцати на вид, с интересом разглядывающему муарманца:

– Вы меня напугали! Эй, это вообще-то женский туалет!

– Это уни-туалет, – невозмутимо сообщил парень, продолжая с любопытством глядеть на Огурчика. – Инопланетный вид?

Я посмотрела по сторонам. В туалете были писсуары вдоль одной стены и кабинки вдоль другой. В одной из кабинок громко шумела вода. Значит, парень все это время был там. Как неловко-то! Я никогда не пользовалась унисекс туалетами. Даже если мужчина стоит к тебе спиной в момент... облегчения, это как-то... не очень. И «носик припудривать», видя в щели под перегородкой мужские ботинки тоже не комильфо.

– Там же картинка была, на двери, – с сомнением произнесла я. – Девочка!

– Такая? – парень показал на вышивку на кармане белой рубашки.

– Да-да, – я закивала.

– Это не девочка, – молодой человек улыбнулся, – это англа-буквы, аббревиатура, буква «эй» и над ней точка от «ай».

– Да, не девочка, – признала я, рассматривая логотип. – И что это означает?

– «Artificial Intelligence» (* **искусственный разум**), – ответил парень, внимательно глядя мне в глаза.

– А вспомнила! – воскликнула я. – Это компания «Си Эс» недавно ввела для обозначения...

– ... киберпродуктов, – подсказал парень.

– Точно! Так ты из лаборатории искусственного разума?

– Именно оттуда. Эл. Это мое имя.

– А я Миа. Эл – это сокращение?

– Да, что-то вроде. Но вообще, меня так родители называли. Эл, – парень кивнул, до этого улыбка была только у него на губах, а тут засмеялись его глаза и все лицо..

Я с трудом отвела от него взгляд. Высокий, светловолосый, голубоглазый. Странное лицо. Вроде черты не очень правильные, а глаз оторвать невозможно. Все, хватит! Спустись на землю, Миа Лейнер! У тебя проблемы, а ты хвост распушила. Что-то на тебя не похоже. И вообще, у тебя парень есть. Внимание мое опять обратилось к муарманцу. Эл был прав. Душ пошел Огурчику на пользу. Он впитал всю влагу с «кожи» и из поддона.

– И сколько ему надо? – пробормотала я. – Вдруг обопьется.

– Можно? – парень осторожно протянул к Огурчику палец.

Я с некоторым сомнением кивнула. Эл потрогал муарман-

ца. На всякий случай я приготовилась подхватить Огурчика на руки, но тот молчал.

– Покровы довольно сухие, – протянул Эл. – Что это за вид?

– Это... чего-то там церебрум цемиликвидум (***жидкий мозг – лат**), кажется, – неуверенно сообщила я часть латинского названия муарманца.

Взгляд Эла «ушел внутрь». Гуглит, догадалась я. У моего нового знакомого явно стоит имплант.

– Знаете, – решительно произнес Эл, «вынырнув». – Раз он цемиликвидум, лишняя водичка не помешает. Но нужно уточнить. Здесь, в этом туалете, вода двойного очищения. Я нагуглил словарь муарманского. Слов мало, но можно попробовать объяснить.

– Что вы! – я махнула рукой и даже горько хохотнула. – У человека под это горло не заточено. Я пыталась ему записи ставить, он не понимает.

– Записи и собаки не всегда понимают.

Эл оценивающе разглядывал Огурчика. И вдруг рыкнул, застонал и... крякнул. Муарманец дернулся, сгруппировал под завязью пять глаз, недоверчиво поморгал и пискнул, как мне показалось, вопросительно. Эл повторил свою «фразу». Огурчик прохрипел что-то очень немелодичное.

– Говорит, много жидкости – хорошо... и еще что-то. То ли «принял», то ли «воспринял».

– Может, «усвоил»? – затаив дыхание от волнения, спро-

сила я.

– Может, – Эл смотрел на муарманца, наклонив голову набок.

Я схватила нового знакомого за руку, боясь, что он вдруг скажет, что обеденный перерыв закончен и ему пора в свою лабораторию.

– Спросите его... Ох, дайте сообразить! Спросите, удобно ли ему в рюкзаке! Понимаете, я ношу его в кошачьем рюкзаке, таком, с окошечком.

– Не думаю, что получится, – проговорил Эл, отступая на шаг. – В языке муарманцев нет слова «рюкзак».

– А что есть?

– Дом... пять разных вариантов слова «дом».

– Ох, как же сложно! – я застонала. – Удивительно, что у вас вообще получилось поговорить с Огурчиком. Вы лингвист?

– Нет. Но я очень талантлив, – скромно сообщил Эл. – Однако мне нужно время, чтобы разобраться в словаре. Как этот... Огурчик к тебе попал? Научный эксперимент?

– Что-то вроде, – я вздохнула и принялась снова плескать на муарманца воду.

– Научный эксперимент в туалете?

– Да, и в отеле. А еще в примерочной в магазине, – я хмыкнула. – Хочешь, расскажу.

– Хочу, – Эл запрыгнул на подоконник и посмотрел в окно. – До пятницы я совершенно свободен.

Мы болтали, пока Огурчик не издал невнятный стон.

– Сказал, ему больше не наливать, – перевел Эл.

– Черт! Как же у тебя круто получается с ним говорить!

Научи меня! – загорелась я.

– Вряд ли ты справишься, – Эл соорудил смешную гримаску. Симпатичный все-таки парень. Это я так, я помню, что у меня бойфренд. – Сложный язык.

– Понимаю, имплант, – позавидовала я. – Здорово, наверное?

– Ну как тебе сказать. Когда привыкаешь, то вроде как таким и родился.

– У нас в универе студентам с имплантами ставят специальную учебную блокировку, чтобы не списывали.

– Здорово, наверное?

– Что?

– Учиться в университете.

– А ты разве не практикант из универа? Не стажер? Как же ты сюда устроился?

– Меня сюда родители... устроили.

– Ясно. Мне вот Пайк тоже всегда говорит: ты уже взрослая, подрабатывай. Пайк – это мой опекун. Тебе сколько лет?

– По факту?

– Да, в земном исчислении.

– Восемнадцать. А так семнадцать.

– А, понятно – там, где ты жил, год больше.

– Как бы... да.

– Мне двадцать. У тебя еще куча времени, чтобы выучиться. Заработаешь на обучение, прилетай к нам на Эмерею. У нас много воды, еды и колледжей. И клубов.

– Спасибо за приглашение, – Эл кивнул с серьезным видом и удивленно посмотрел в окно.

Я сама слышала какие-то выкрики и скандирование.

– Что там? – поинтересовалась я, подходя к подоконнику.

Эл тактично отодвинулся и «завис» в Сети. Затем тряхнул длинной светлой челкой и сообщил:

– Санкционированный митинг. Против клонирования и киборгов. Заявлен еще неделю назад. Пока все прилично.

Я высунулась наружу. Так-так-так. Кажется, намечается веселье. Во дворе Института стояла кучка людей, окруженная кибер-копами. Митингующим явно было неуютно. Они жались друг к другу и робко выражали протест против засилья искусственного разума. «Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, ты обнаружишь, что стал киборгом!» гласил один из ретро-плакатов, явно нарисованный вручную и поплывший во влажном климате Лондонополиса. «Клоны людям не игрушки!» сообщал второй плакат. «Секс с живым человеком лучше!» было накарябано на третьем.

– Интересное утверждение, – задумчиво проговорил Эл.

– Старой бабушки сундук! – фыркнув, констатировала я. – Пойдем научим народ, как нужно митинговать. У меня черный пояс по протестам, – сообщила я удивленному парню. – Состою в семи экологических организациях и в трех

течениях. Мой принцип: хочешь, чтобы тебя услышали – ори погромче. Да, Огурчик? – я принялась упаковывать муарманца в бумажный пакет, вытащенный из туалетного «набора» в одной из кабинок.

– Да не заматывай ты его, – сказал Эл, спрыгнув с подоконника. – Скажи всем, что это кибер-кактус, игрушка, для тех, у кого нет времени заниматься живыми цветами. Я видел похожие в магазине в Сети. Говорят, они излучение от комфонов впитывают.

– Точно! – восхитилась я. – Как я сразу не сообразила?

Мы вышли во двор со стороны «курилки». Там как раз с несчастным видом, наблюдая за мероприятием сквозь голопары, дымили виртуальными сигаретами двое сотрудников. Митингующие не пытались прорваться в здание Института, а лишь вяло скандировали: «Даже генетика против!». «Отторгай и неотторжим будешь!»

– Расступись! – весело гаркнула я, подходя ближе. – Эл, сформулируй суть того, что хотел бы озвучить.

Эл призадумался и предложил:

– «Не хочу быть киборгом»?

– Старомодненько, но сойдет, – я прищелкнула языком и настроила свой комфон. Из него над головами митингующих поднялась большая голограмма с предложенными Элом словами.

– Мы же за аутентичность, – робко запротестовала прыщавая девушка слева, видимо, настолько аутентичная, что

даже обычные средства от гнойников на лице категорически отвергались ею как элемент модификации.

– Нужно шагать в ногу со временем, – я строго ее пожурила. – Разумеется, не взваливая на себя антиэволюционный балласт. – Кто там, – я указала на здание Института, – заметит ваши бумажки?

– Правильно, – поддержала меня стоявшая справа дама в линялых джинсах. – Мы не против технологий. Мы за разумное их использование.

Несколько человек протянули свои комфоны. Я показала им нужное приложение, «плакаты» взмыли в небо, и с этого момента митинг пошел куда веселее. Постепенно во дворе Института скопились зрители. С неба протестующих снимал журналистский дрон, видимо, тоже санкционированный.

– Вы уверены, что контролируете свои творения?! – кричала я.

– Не хочу быть киборгом! – орал Эл.

– Занимайтесь любовью друг с другом, а не с машинами!!! – голосила прыщавая девушка. – Долой виртуалов!!!

Оживление нарастало. До того момента, как я заметила в толпе свою начальницу. Профессор Бронски рассматривала митингующих с непроницаемым видом. Взгляд ее задержался на мне и переместился на Эла. Тот замолк, бросив:

– Кажется, мне пора.

– Мне тоже, – пробормотала я, словно кролик под взглядом удава выходя из толпы и направляясь к профессору. К

моему удивлению, Эл шел рядом.

– Мисс Лейнер? – ровным тоном спросила Мария Бронски.

– Да.

– Что вы делаете?

– Выражаю свою общественно-политическую точку зрения.

– В рабочее время?

– Я еще не в штате. Официально вы пока не приняли меня на стажировку. Я ждала, но вас не было в лаборатории.

– Ах да, верно, не в штате, – медленно произнесла профессор, изучая меня взглядом с головы до ног. – Что это? – она кивнула на муарманца, очень спокойно перенесшего шум и гам мероприятия.

– Это мой кактус. Он впитывает излучение от комфона.

– Он шевелится.

– Это кибер... кактус.

– А-а-а, – протянула профессор, мне было страшно даже представить, что подумала обо мне начальница. – А ты? – Бронски неожиданно обратилась к Элу.

– Он со мной, – храбро сообщила я. Гулять так гулять!

– Как это? – лицо начальницы вдруг сделалось озадаченным.

– Не ругайте Эла. Это я его позвала.

– На митинг против киборгов? – брови Бронски поползли вверх.

– Да. Мы с Элом разделяем одну общественно-политическую позицию.

Профессор помолчала, несколько секунд глядя на Эла с непонятым выражением, похожим на благоговейный ужас, и кинула мне:

– За мной. Нам с вами нужно поговорить. А ты в лабораторию, – велела она парню. – С тобой тоже будет... разговор.

Глава 6. Спецзаказ

Маша вышла из лаборатории в отвратительном состоянии, угрюмом и напряженном. Даже предстоящая встреча с сестрой не могла развеять хандру. И кто только разрешил проводить митинги на территории научного учреждения?

Их Институт со стороны выглядит как проходной двор. И финансирование так себе. Когда на третьем этаже проводились исследования Мацумото, здесь мышь не могла проскочить. Но профессор каждый год медленно, но неуклонно сворачивал свою работу, не боясь недовольства спонсоров и Отдела.

Восемь лет назад, когда Маша была еще студенткой, Мацумото официально заявил, что интегрирование человеческого сознания в мозг киборга невозможно. Это был печальный день для всех кибер-романтиков. После фактического признания своего поражения профессор занялся зарабатыванием денег для Института. Его клиенты – богатые люди с ОСОБЫМИ предпочтениями. Мацумото работал со спецзаказами – клонами известных людей, продавших или добровольно передавших свой генетический материал для последующей репродукции. С точки зрения Маши – грязная работа. Всегда одно и то же: секс, помешанность на кумирах, жажда обладания статусной игрушкой. Мысли Маши

невольно обратились к Синклеру и Элу. Она с трудом заставила себе перестать думать о предстоящей пятнице. Что Мачумото знал о ее брате? И где сам профессор?

Маша подала заявление на туристическую визу. Если ей предоставят уровень «Глобулар», она сможет спокойно передвигаться по Кластеру в пределах туристических зон. Это ее последняя попытка узнать что-то о Николае. Ее цель – небольшая библиотека в системе Окто. Не может быть, чтобы Отдел удалил сведения о гибели «Аструса» из информаториев всех планет.

В чем там еще причина плохого настроения? Ах да, пришлось рассказать новой стажерке об Эле. Девочка явно была в шоке. Похоже, умственные способности студентки Лейнер в ее резюме весьма преувеличены. Как можно принять киборга за человека, тем более такого ярко-выраженного условно-живого, как Си-один? Вот Синклер – другое дело. О боже, нет, нет, не Синклер – Си-два! Синклер давно мертв.

«Развлекая» себя раздумьями, Маша добралась до космодрома Хитроу. В их последнем разговоре Айви пыталась отговорить сестру от того, чтобы та встречала ее на Луне, но Маша заупрямилась. У нее была своя причина настоять на своем – она хотела проверить, не вернулся ли тот давний страх перед торсионными прыжками.

Перелет на челноке прошел хорошо, лишь сердце билось как-то тяжело и глухо. Лунный космодром был огромен. Маша успела забыть, какой он большой. Айви задерживалась.

Она появилась, когда Маша уже начала волноваться, не одна, а со спутником. Маша напряженно вглядывалась в высокую мужскую фигуру, шагающую рядом с сестрой. Мужчина нес сумку Айви. Кто это? Случайный попутчик? Коллега? Бойфренд? С самого своего отъезда Айви не рассказывала о своих текущих увлечениях. Это пугало Машу. Сестра никогда не была чрезмерно влюбчивой, но любила мужское внимание и охотно принимала ухаживания. И вдруг три года ни слова о парнях. На все вопросы Маши отвечала шутками в стиле «моя личная жизнь сейчас – это моя работа». Неужели у них там в ее «университете», где она якобы преподавала, ни одного симпатичного мужика не нашлось?

Маша не выдержала и побежала навстречу сестре. Айви, взвизгнув, повисла у нее на шее. Девушки жадно вглядывались друг в друга.

– Ты чертовски похорошела, – констатировала Маша. – Я еще на голо рассмотрела.

– А ты похудела. Опять переутомляешься? Я все маме расскажу!

– Ябеда! – рассмеялась Маша. – Все, как в детстве. А это...? – она повернулась лицом к мужчине, остановившемуся в нескольких шагах позади сестры. На куртке мужчины была нашивка – буквы «эй» и «ай», символ, недавно введенный для обозначения киберпродукции. – Циклон? Носильщик? Зачем? Киберы дешевле. По какому поводу шикаешь?

– Это не носильщик, – тихо сказала Айви, скривившись. –

Это мой личный киборг.

... Маша раскрыла рот. В прямом смысле. Айви даже захотелось, как в детстве, сунуть ей палец между зубов или шлепнуть по челюсти. Но сестра прищурилась и требовательно рявкнула, обращаясь к Томасу:

– Серия! Номер!

Циклон выкатил глаза и гаркнул в ответ:

– Одиннадцать-шестьдесят девять! Пи-девятнадцать!

Ограниченная серия!

– Военная? – недоверчиво поинтересовалась Маша. И обратилась к Айви: – Это что за фокус? С чего такая... честь?

– Ну-у-у... понимаешь, – промямлила Айви, – руководство университета... в знак особого расположения... и квартиру еще. Дело в том, что в университете участились случаи... Маш, это все временно. Потом его, наверное, заберут.

– Поиграться дали, что ли? – хмыкнула сестра. —

Айви быстро скосила глаза на Томаса. Тот стоял в той же позе – грудь колесом, глаза навывкат. Вроде не обиделся. Маша пожалала плечами. Скорее всего, сестра в курсе проекта «Подарок», связи у нее в научных кругах ого-го какие, да и с Отделом постоянный контакт. А где Отдел Кибербезопасности, там и департамент Ноль. А Айви даже думать об этом тяжело – срабатывает блокировка разглашения информации в чипе и голова начинает «тянуть».

– Ладно, – покладисто сказала Маша. – Пусть с нами по-

катается. Сейчас садимся в челнок, а на Земле у нас запланирована маленькая культурная программа.

Айви не сразу сообразила, что задумала сестра. Поняла, только когда Мария взяла напрокат турболет прямо на космодроме. Мешать ей было поздно, она сама села за руль. Айви всполошилась, когда на табло мигнул сигнал о пересечении границ Консолидации, встревоженно спросила:

– Где мы?

Она вглядывалась в иллюминатор, но за окном стремительно темнело, а внизу мигали огоньки.

– Над Черным морем, – весело отвечала Маша.

– Ты с ума сошла?! – взвизгнула Айви. – Опять ты за свое?! Мне же нужно в квартиру! А вдруг мне нельзя покидать Европейскую Консолидацию!

– Тебе об этом кто-нибудь сказал? – лениво спросила Маша из-за штурвала. – Раз не сказали, значит, можно. А в квартиру – завтра. Не на работу же с утра. Я тут такое местечко нашла! Сказка! Кстати, чем дальше заниматься собираешься?

– Вернусь в школу.

– А...

– Что за «а»? – взвинчено воскликнула Айви. – Хочу преподавать детям! Как раньше. Маша, нет! Только не в лес!

Турболет уже садился. В лесу. У озёр. Лес был обитаем, в нем виднелись небольшие деревянные домики с освещенными тропинками вокруг. Маша выпрыгнула из машины, по-

русски поприветствовала встречающего ее немолодого мужчину:

– Дядя Тимур, добрый вечер.

– И тебе, Машенька. Рад, что заглянула. И не одна.

– Моя сестра.

Мужчина добродушно кивнул Айви и бросил внимательный взгляд на Томаса, спросив:

– Как всегда тебе?

– Ага, спецзаказ, – отозвалась Маша.

– Сами доберетесь? Я как твое сообщение получил, велел в избе у озера натопить.

– Ура! А ты нам... ты знаешь, как всегда. И огурчиков.

У площадки турболетов стояли электрокары. Маша села в один из них, Айви со вздохом устроилась рядом с сестрой, Томас примостился на заднем сидении. Электрокар объехал площадку и зажуужал по тропинке, уходящей вглубь леса, к просвету, в котором голубели озера и горели огоньки домиков.

Как Айви не отбивалась, Маша почти силой затащила ее в деревянный сруб. И применила свою любимую пытку – «лечебные процедуры» березовым веником. Айви голосила, как сирена, умоляя не хлестать ее изо всех сил, но сестра только приговаривала:

– Терпи! Выгоним из тебя всю инопланетную хворь! Кстати, об инопланетном.

Айви обрадовалась передышке и улеглась на полке под

«легкий пар», а Маша, вышла в предбанник и, плотно закрыв за собой дверь, вернулась с маленьким прибором. Объяснила сестре:

– Здесь сейчас высокая влажность. Мы голые. Если и есть жучки, то только в теле и на одежде. Должны они сейчас работать в режиме усиления сигнала, ибо пар, – она провела прибором вдоль их тел. – Нет, ты чистая. Я тоже. Давай за-
пястье.

– Это и есть твой спецзаказ? – ужаснулась Айви.

– Да, дядя Тимур оказывает небольшие услуги проверенным лицам. У него были проблемы с нелицензированными киборгами, я помогла. Теперь он иногда помогает мне. Всякая, даже мелкая, сошка вечно норовит мне впихнуть какую-нибудь дрянь под кожу.

Прибор щелкнул, блокировка разглашения информации по проекту «Подарок» стерлась. У Айви даже слезы из глаз чуть не брызнули – накатили сдерживаемые запретом эмоции.

– Рассказывай, – велела Маша.

... Тому было хорошо. Очень. На природу он давно не выбирался. А какая природа во втором по величине мегаполисе? Ближе Девоншира и рощицы гуще парка не найдешь. А тут сразу и лес, и воздух, такой тягучий, что пить можно, и водичка. Поплывать Том не решился. (Циклоны вообще плавать-то любят?) Тем более, мужик по имени Тимур привез

на электрокаре выпивку и целую кастрюлю закуски, да такой, что Кавендиш чуть не растерял свою циклонную невозмутимость – сидел и тихонько глотал слюну, пока мужик расставлял тарелки в беседке у озера. Когда Тимур уехал, Томас вгрызся в барбекю, чавкая и постанывая. Дамочки явно не на себя одних такую кучу мяса заказали, авось не оставят бедного циклончика разряженным. Хозяйку Тома, старшую Бронски, должны были предупредить, что Кавендиш – модель военная. А где там в полевых условиях на зарядку становиться? Семьдесят процентов пополнения аккумулятора – органическое питание. Еще тридцать – солнечная энергия или специальная розетка.

Томасу плохо становилось каждый раз, когда он сопрягался с источником питания в своей квартире: казалось, по позвоночнику бегут злые красные муравьи, вот-вот до мозга доберутся и сожрут его к черту. Если бы не многолетняя тренировка выдержки и умения абстрагироваться, давно запил бы. Однако выбора другого не было – в спинном и части головного мозга стояла нано-сетка, управляющая многими процессами организма. И Кавендиш постепенно привык. И никогда не говорил про себя богохульного «Лучше бы я тогда сдох». Сдохнуть никогда не поздно, а жизнь, хоть такая, есть жизнь. И неплохая она, его житуха, вон, мясо трескает. Так давно хотелось наестся мяска, но на пенсию по инвалидности свинины-то не купишь. С другой стороны... Кавендиш поморщился. Задание все еще его тяготило. Он

куснул соленый огурец, принялся уважительно разглядывать огрызок. Умеют же люди солить. В супермаркете такое дерьмо – один уксус.

Дверь неказистого бревенчатого домика распахнулась. Из него с визгом и хохотом вылетели... голые девицы, сестры Бронски. Взгляду ошеломленного Кавендиша предстали очень симпатичные, со всякими выпуклостями и впуклостями, обнаженные спины и две пары аппетитных ягодич. Он подавился огурцом и проводил девушек взглядом. Обе пронеслись по деревянному настилу и прыгнули в озеро.

– Хренеть-борзеть, – пробормотал Кавендиш, глотая огурец. – Да что это я? Да отличная у меня работа!

... Водичка в озере была холодная. Маша подплыла к настилу, подтянулась и посмотрела в сторону беседки.

– Выходим? – стуча зубами, спросила Айви.

– Там этот твой... рыжий вояка. Что-то я про него забыла совсем. А мы в таком виде...

– Что это с тобой? – удивилась Айви. – Он же киборг.

– Ну да, – пробормотала Маша. – Киборг. Слушай, скажи ему, чтобы отвернулся.

– Зачем? Ну ладно. Томас! Ты не мог бы...

Циклон резко встал и очень быстро пошел к воде.

– Нет, нет! – зачастила Маша, погружаясь в воду по подбородок. – Стой там! Принеси нам халаты из предбанника! И полотенца! И отвернись!

Циклон оставил халаты у лесенки в воду. Девушки быстро оделись, Маша бдительно следила за тем, чтобы киборг не поворачивался, а потом велела ему отойти подальше. Томас перебрался поближе к воде. С упаковкой печенья. Айви проводила коробку взглядом и задумчиво произнесла:

– А кто мне его питание оплачивать будет?

– Требуй у Отдела Ноль субсидирования.

– Да ладно. Это я так, ворчу. Мне за три года такой оклад выдали! Не поверишь!

– С твоими аппетитами недели на три шоппинга?

– На две.

Сестры засмеялись.

– Какой он у тебя послушный, – проворчала Маша. – Бдит, аж уши шевелятся.

– Так он же киберклон. Ты чего такая... подозрительная?

– Да знаешь... наработаешься там со всякими. При Томасе о твоих делах говорим только... иносказательно. И дома будь поосторожнее. Ты же понимаешь, откуда ветер дует?

– Естественно. Я блондинка, но не настолько.

– Да действительно решила искать этого Феба?

– Это моя единственная зацепка.

– Айви, ты сумасшедшая! Забудь о нем! Я сейчас не о Фебе. Это глупо и опасно!

– Я знаю, – сестра тряхнула волосами, вытирая их полотенцем. – А ты бы забыла? Зная, что, возможно, это самое интересное, что может произойти с тобой в жизни? Ты свои

поиски бросила?

– Не сравнивай.

– Ты тоже. Для меня это не менее важно. Это три года моей жизни и наконец-то что-то захватывающее! Я готова на риск. А ты?

Маша вспомнила Синклера и кивнула.

... Даже у хрупкой старшей Бронски аппетит на воздухе был отличным, Айви уминала шашлык за обе щеки.

– Не жалеешь, что выбрались сюда? – подразывала сестру Маша.

– Ни капельки. Томас тоже, кажется, доволен. Маш, ну куда он мне? Наверняка квартирка у меня крошечная и неудобная. Что они мне еще в Л-Полисе выделить могли?

– Завтра посмотришь, – Мария пожала плечами. – Странно это все. Я за тебя волнуюсь. Нужно будет собраться и обсудить ситуацию. И пообщаться нормально. У меня отпуск, первый за четыре года. Летим со мной на Багаму! Заодно маму навестим.

– А что, – Айви задумалась. – Я слышала, что Феб собирался выступить на фестивале майнд-музыки на Корасон-рок. Это ведь по пути. Хотя многие его поклонники сомневаются, что музыкант оправился от депрессии и готов выйти из тени.

– Ты, я вижу, занялась этим всерьез. Айви, а что если вас прослушивали? Ну... – Маша покосилась в сторону киборга,

сидевшего почти у самой воды – у обычных циклонов хороший слух, а какой должен быть у военных моделей? – ... там, ты поняла. Ваши беседы. С НИМ.

Сестра покачала головой:

– Нет. Там что-то другое. ОН сам говорил мне, что наши разговоры останутся только между нами. Что ОН принял меры.

– Все мужики так обещают. А потом три минуты радости – и девушка в беде... – Маша вздохнула. – Ладно, пора баиньки. Дядя Тимур нам номер приготовил, двухместный. Как хочешь, но я с твоим рыжим в одной комнате спать не буду.

– Я тоже, – передернув плечами, сказала сестра.

Глава 7. Хитрость и самообучаемость

Я работала. Огурчик украшал мой стол, кося под кактус. Вот уже второй день, возвращаясь с работы, я шла до ближайшей станции через парк, а в нем отпускала муарманца погулять. Меня немного пугало то, что на вопрос Клайву, не подхватит ли муарманец какую-нибудь инфекцию, профессор ответил с фанатичным блеском в глазах:

– Это вполне вероятно! Мне это тоже очень, очень интересно. Я вам даже завидую. Вы, студентка Лейнер, в процессе интереснейшего научного эксперимента.

А студентке Лейнер очень не хотелось проводить над Огурчиком интереснейшие научные эксперименты. Я два дня ходила с муарманцем в женский туалет на втором этаже, запиралась в кабинке и поливала Огурчика над унитазом, пытаясь стереть из своей памяти жесткие слова профессора Бронски, ставшие для меня шоком:

– Мисс Лейнер, вы приняли циклона за живого человека. Я вас не осуждаю. Как ни странно, со временем рядом с человеком условно-живые самообучаются и становятся достаточно... хитрыми. Си-один – как раз тот случай. Но впредь будьте повнимательнее.

На третий день я не выдержала и завернула в коридор с красным плафоном. Эл сидел на подоконнике. Я вздохнула и вошла, повторяя про себя, что мне все равно. Из крана, как всегда, лилась вода со странным запахом. Огурчик выставил глаза. Четыре штуки. Смотрел он мимо меня, на парня, сидящего на подоконнике, лицом к стеклу, за которым проявлялись на темном небе первые звезды.

– Это туалет для киборгов, – раздалось от окна.

– Я кому-то мешаю? – холодно спросила я. С кем я сейчас говорю? С программой?

– Нет, – коротко бросил Эл. – В институте полно других туалетов.

– А мне удобно тут! – я понимала, что выгляжу, как маленькая, капризная девочка, но не знала, как себя вести. – Здесь... здесь вода двойной очистки, сам говорил!

Эл пожал плечами, продолжая смотреть на звезды.

– Пей, Огурчик, – сердито сказал я, проливая воду на мраморную столешницу. – Воды ему, видите ли, жалко.

– Не жалко, – отозвался Эл. – Но не факт, что вода с таким химическим составом будет полезна для... – киборг вдруг курлыкнул.

– Чего? – переспросила я.

–... – Эл повторил булькающий звук. – Так его зовут.

– Он тебе еще и представился? – уязвленно произнесла я. – А ты? А ты сказал ему, что не человек, вообще-то.

Киборг молча отвернулся и уставился в окно. Я выруга-

лась про себя: зачем я говорю все это компьютерной программе? Ну циклон, ну и что? Сразу могла бы догадаться! Талантливый он, видите ли! Понятное дело, кор-плата есть кор-плата – тут вам и «имплант», и инопланетные языки. И нашивка на рубашке. Нововведение, да, но, Миа, когда ты спустишься с небес на землю?

Я посмотрела на Огурчика и задумалась. Я принялась осматривать муарманца. С утра мне казалось, что детке на боку у Огурчика стало легче, сейчас в панике почудилось, что желтизны прибавилось. Клайв прочитал сообщение, но медлил с ответом. Все это время Огурчик смотрел на Эла и попискивал. Эл несколько раз отозвался, тоже писком и похрюкиванием.

– Эй! – не выдержала я. – Неприлично говорить на иностранном языке, если кто-то из присутствующих его не понимает!

– Это чисто мужской разговор, – огрызнулся Эл.

– Вообще-то «Огурчик» – это дама! Беременная!

– Землянин, а ты уверен, что знаешь о нас все? – не оборачиваясь, ядовитым тоном процитировал киборг надпись на футболке, в которой я осмелилась явиться на работу, пользуясь отсутствием начальницы (и в знак протеста).

Я задохнулась от возмущения и попыталась придумать адекватный ответ, но тут наконец-то отозвался Меркьюри Клайв:

> *нужно сделать пункцию мозгового вещества и прове-*

рить на состав химических элементов. я вышлю таблицу нормы для муар-мана

> как мне это сделать?

> умница вы моя. возьмите бур для панцирей кибер-машин и просверлите небольшую дырочку в покрове. что-то такое лабораторный анализатор знаете? это такая коробочка с кнопочками

– Коробочка с кнопочками, – я передразнила профессора самым своим противным голосом. – Тебя бы... пробурить.

Внимательно осмотрела муарманца, стараясь не встретиться взглядом с его «глазами». До воскресенья еще три дня, нельзя пускать происходящее на самотек.

– Помочь?

Я подпрыгнула чуть на полметра над полом – Эл слез с подоконника и бесшумно подкрался ко мне сзади, заглянув в комфон.

– Помоги, – сказала сердито. – Держать будешь.

Мы пошли в лабораторию.

– Тебе тут что, везде можно шляться? – ворчливо поинтересовалась я по дороге.

– Нет, только по третьему этажу.

– Это второй этаж.

– Да? – «удивился» киборг. – Сбой программы, наверное.

– Врешь и глазом не моргнешь.

– Условно-живые организмы лишены способности к умышленной передаче заведомо ложной фактической и эмо-

циональной информации с целью создания или поддержания в индивидууме убеждения, которое сам передающий считает не соответствующим истине, – любезно сообщил Эл. – Это противоречит самой концепции использования искусственных био...

– Понятно, – перебила его я. Да, самообучение и хитрость налицо.

В лаборатории было пусто, помощницы профессора Бронски не считали нужным задерживаться на работе даже на пять лишних минут. Я поставила муарманца на стол и, найдя в ящике бур для биопанцирей, продезинфицировала его со всей тщательностью.

– Ну, – виновато сказала я, подходя к Огурчику, – не думаю, что будет больно. Такая ма-а-аленькая дырочка. В любом случае, это ведь для пользы дела. Держи его, – велела я киборгу. – Вдруг дернется.

Я прицелилась к точке на шкуре муарманца, подальше от деток, включила бур и коснулась зеленой кожи... Огурчик не дернулся, но взвыл. Плотная, осязаемая волна звука ударила по ушам. Словно в замедленной съемке или в искаженной реальности, падая на металлический стол за спиной, я наблюдала странное явление: комната вытянулась, уйдя высоко вверх, стены лаборатории заросли гибкими лианами, а ко мне по серому грунту бежала целая стая муарманцев. Я удивилась. Страшно не было. Было странно. Вспомнился пост одного эко-туриста, по ошибке забытого на Муар-Мане нера-

дивым экскурсоводом. Проведя в джунглях планеты три дня и благополучно вернувшись на землю ненадкушенным, турист писал, что маурманцы способны воздействовать на сознание местной фауны и человека иллюзиями. Отсюда и их контроль над хищниками. Очень интересно!

Голова моя, очень хорошо работающая, несмотря на ситуацию, уже готовилась к роковой встрече с острым углом лабораторного стола, но рука Эла успела ее предотвратить.

... Мы сидели на полу у стола, чуть не забравшего мою жизнь. Я наложила гель от ушибов на руку Эла и ждала, когда средство впитается.

– Ты ведь не просто киборг? – спросила я.

– Не просто, – согласился Эл. – Я сложный киборг. Двадцатиуровневый процессор.

– Я не об этом.

– У тебя инопланетянин убегает.

Огурчик «бродил» по лаборатории, оставляя следы.

– Пусть погуляет. Как ты думаешь, муарманцы разумны?

– Даже не сомневаюсь в этом. Мы же с ним беседовали.

– Некоторые ученые считают, что речь муарманцев не сложнее общения дельфинов.

– Огурчик вполне разумен. Кстати, пока ты приходила в себя, он извинился. Сказал, у него все хорошо, дети скоро...э-э-э... не знаю, как перевести... в муарманском это звучит как «заведут отдельный дом». Тело в муарманском –

тоже синоним дома.

– Здорово! – обрадовалась я.

– Кью милый.

– Кью?

– Огурчик – это слишком долго. Я подумал, такому малышу больше подходит сокращение. (***от англ. cucumber – огурец**)

– Ты с ним общаешься вовсю, а я даже двух слов выговорить не могу.

– У тебя комфон звонит, – сказал Эл. – Принять вызов?

– А ты можешь?

– Могу. На свой канал. У тебя комфон не защищен – даже *элементарной* защиты нет.

– Не надо. Я посмотрю, кто это... Дейв! Третий раз за день. Это мой бойфренд, бывший. То есть он еще не знает, что он бывший. Не получилось у нас. Наверное, у меня проблемы с общением, из-за того, что я росла в детском доме.

– Как ты туда попала?

– Отец погиб, когда мне было четыре. Поначалу меня отправили в Йоркшир, в приют. А через несколько лет выяснилось, что папа оставил наследство. Все еще тогда удивлялись, откуда он взял деньги. Он всю жизнь проработал камердинером в богатой семье, но они не то чтобы его баловали. Он даже в космос со своим хозяином отправился, чтобы больше заработать. Но не успел, – я смотрела на Огурчика, наматывающего круги по полу лаборатории.

– А твоя мама?

– Она меня бросила. Познакомилась с одним богатым шахлопаем из окружения хозяина папы и сбежала. Я росла «при дворе», с горничными и прочими слугами в доме, где служил отец. Когда он погиб, меня отправили в приют. Там было плохо. Меня брали в семьи, но каждый раз возвращали. Не помню, почему. Наверное, я была не самым послушным ребенком. В одной семье даже стоял выбор между мной и ай-кабом. Я прожила там два месяца, мне уже и фамилию поменяли, кстати, я ее оставила, уж слишком много документов переделывать. В итоге, та семья выбрала ай-каба. У них уже была девочка, и они хотели мальчика. Он был очень милый. Мы даже подружились немного.

– Понятно, – сказал Эл.

– Потом меня нашел представитель нотариальной конторы, в которой папа оформлял наследство и опеку. Отец оставил мне деньги, каждый год я получаю проценты. На них оплачивалось мое пребывание в приюте для девочек, в Стамфорде, на них я училась в очень престижной школе и учусь теперь на Эмерее. Мы очень дружим с Пайком, представителем конторы, он прилетает ко мне каждый год. Пайк хорошо помнит моего отца. Контора назвала его так в честь папы, ведь он был их очень важным клиентом. Кстати, он киборг.

Эл кивнул, показав, что оценил мой «реверанс» в его сторону. Спросил:

– Наверное, маленькая контора, раз они используют

условно-живых?

– Думаю, да, но богатая. Очень заметно, что Пайку меняли тела, сейчас он выглядит гораздо старше.

– В каком возрасте ты попала во второй приют?

– Мне было почти семь.

– И тебя никто не взял?

Я пожала плечами:

– Многих забирали. Но мной никто не интересовался. А я только рада была. Мне всего хватало и не хотелось больше... воевать за внимание приемных родителей. Я считала Пайка кем-то вроде дядюшки, он привозил сладости и подарки, мы ездили на экскурсии и в парки развлечений. У меня было много друзей, нас хорошо кормили, мы учились в школе неподалеку, после ремонта у каждого появилась своя комната, маленькая, но своя. А как прекрасно мы отмечали Рождество! И вообще, мне повезло. До моего появления финансирование в приюте было средним, а потом спонсором стала «Сайклон Серендипити», очень богатая компания. Она и сейчас его спонсирует, но теперь приют находится в Шотландии. Я иногда там бываю. А ты?

– Мои родители были очень строги во всем, в еде, в манерах, в отношениях...

– Но почему они от тебя отказались? Наигрались? – возмущенно спросила я.

– Нет. У меня начались проблемы социального плана и... с мироощущением. К тому же моя сестра, которая была стар-

ше меня на три года, прошла тест вибранта. Внимание родителей переключилось на Кэт. Миа, это нормально. Общество не осуждает тех, кто сдает подросших ай-кабов. Ведь они меня вырастили, воспитали и ... отправили во взрослую жизнь.

– Я осуждаю!

– Ай-кабы – киборги, игрушки. Они лишены эмоций.

– Ты не лишен.

– Говорю же, я необычный киборг. Поэтому я и попал в лабораторию Мацумото.

– Дейв опять звонит, – сказала я, приподнимаясь и поглядывая на мини-голограмму над комфоном. – Не буду брать. И чего ему не спится? Эй, ку-ку, ты гуглишь, что ли? А я вообще-то с тобой разговариваю.

– Извини, отвлекся. Скажи, а это нормально, если парень лежит в кровати с одной девушкой, а звонит другой девушке, той, что считает его бывшим, а он не знает... ведь?

– Ну... – я хмыкнула. – Мало ли у кого какие... Стоп! Ты о ком сейчас? Ты не...

– Я отследил звонок и подключился к камере в кампусе Дейва, в Орегоне, – виновато объяснил Эл. – Через холодильник подключился, через систему слежения за предпочтениями в еде. Просто хотел на какое-то время отключить в комнате Сеть. Чтобы он тебя не беспокоил.

– И он там сейчас...?

– С девушкой. Она голая и в его кровати. Я думаю, это

означает...

– Я знаю, что это означает! Ты можешь мне показать?

– Попробую.

Эл сделал снимок камерой холодильника и отправил его мне. Кажется, я покраснела. Комфон Дейва был более защищенным, чем мой. Однако с мощностью Эла на его взлом понадобились три секунды. На кровати в зоне видимости камеры лежала девушка, голая. Она спала. Рядом с ней развалился Дейв, тоже голый, с комфоном в руке. У парня был недовольный вид. Я потыкала пальцем в комфон – отправила снимок Дейву. Вызов прозвучал ровно через сорок секунд.

– Детка, – зачастил Дейв. – Это что? Это что сейчас было? Что за гадость? Кто тебе это прислал?

– Неважно, – сухо сказала я. – Важен сам факт.

– Миа, крошка, что за глупости?! Это же подделка! Кто-то хочет нас разлучить!

– Ага, кругом враги.

– Посмотри, ну посмотри – я один, лежу, мечтаю о тебе, кстати, пытаюсь до тебя дозвониться, – Дейв повел комфоном над кроватью, уже пустой.

Рядом с ним что-то громко загремело, Дейв едва заметно поморщился. Судя по взгляду, Эл опять «заглянул» в комнату через холодильник. Он отодвинул в сторону подползшего Огурчика (с любопытством выставившего штук семь глаз) и перевернутыми буквами вилкой написал по коричневой дорожке, оставленной муарманцем на полу: «Надевает трусы.

Уронила стул».

– Скажи своей девушке, чтобы не торопилась. А то трусы порвет и всю мебель тебе переломает, – ледяным тоном посоветовала я в комфон.

– Ты за мной что, следишь? – нахмурился студент.

– Да, – кивнула я. – У тебя на теле мой «жучок». Давно подзреваю, что ты мне изменяешь. Дейв, зачем ты вообще начал со мной встречаться? Тебе мало было других девушек? Ты так игрался, да? Чтобы я выглядела дурой?

Дейв уже понял, что отпираться бесполезно и изобразил скучающую мину.

– Миа, крошка, ну почему ты сразу видишь плохое? Зачем злиться? Один левый перепепихон еще ничего не значит.

– Для меня значит, – оборвала его я.

– Слушай, бейби, – Дейв цокнул языком. – Подумай, как следует. С тобой же каждый день происходит какая-нибудь стрёмь. Если мы расстанемся, такой, как ты, трудно будет найти парня. Кому нужна девушка «тридцать три несчастья»?

– Мне нужна, – холодно сообщил Эл, шагнув в зону видимости камеры.

Глава 8. Девушка легенда, девушка мечта

Я оторопела. Мало того, что киборг предъявил на меня свои права, понарошку, конечно, но в весьма жесткой форме, так он еще обнял меня сзади и положил подбородок мне на плечо. Ему, разумеется, требовалось подыграть. Что я и сделала, с некоторым замешательством. Я гордо оглянулась на моего «спасителя», а затем перевела взгляд на Дейва: мол, я тут тоже время даром не теряла. Дейв не заплакал, не взревел от ревности, он просто выругался сквозь зубы. С досадой, мало свидетельствующей о нежных чувствах.

– И что это за модифицированный красавчик? – угрюмо спросил он.

– Это Эл. Мы познакомились в институте. Он из... другой лаборатории.

– Слышь, Эл, – обратился Дейв к циклону. – Ну как же ты не вовремя нарисовался!

– Вовремя, – холодно сказал Эл. – Самое время прекратить морочить девушке голову.

– Еще месяц, и я был бы на коне. Жаль, ты не рядом. на-чистил бы я тебе сейчас рыло.

– Не проблема, – сказал киборг. – Где и когда? Начиная с

этого воскресенья готов отправиться в любое место.

– Ладно, остынь, – Дейв кисло скривился. – Я сам виноват, спалился. Просто подумай, Эл, нужно ли тебе все это? Это же Миа Лейнер. Я поспорил, что продержусь рядом с ней три месяца. Почти выдержал.

– Значит, все-таки спор! – выдохнула я, выскальзывая из рук циклона, чувствуя, как закипают в глазах слезы. – Вот для чего ты так... расстарался! Ухаживал! Цветы дарил, по пятам ходил! И как, смешно было? Достаточно за моей спиной поглумились?

– Миа, ты все не так поняла, – Дейв закатил глаза.

– Так в чем же смысл спора? – нехорошо прищурившись, поинтересовался Эл.

– Дружище, – Дейв посмотрел на него со снисхождением. – Еще раз повторяю, для альтернативно одаренных: начать встречаться с Мией Лейнер, продержаться рядом с ней три месяца и по возможности влюбить девочку в себя.

– У тебя ничего не вышло, – буркнула я.

– Уже понял, – невесело усмехнулся Дейв.

– Почему продержаться? – нетерпеливо спросил Эл.

«Не надо, не рассказывай!», хотелось мне крикнуть.

– Ну-у-у... – протянул мой бывший бойфренд, злорадно на меня поглядывая. – Миа Лейнер – девушка-легенда. Мы ж тут всю с инопланетной фауной... общаемся. Все знают, что наш факультет одни насмешки вызывает. Ксенолингвистика? Конечно. Эйлиэнология? Разумеется. Ксенопсихо-

логия? Ха! Да самые развитые твари в Кластере в лучшем случае ходят с копытами, строят хижины из дерьма и жрут насекомых! Наш факультет – единственный в Университете, где студенты полностью оплачивают свое образование. У нас ведь учатся одни богатые ребяташки, чьим родителям важно знать, что их детки пристроены. Да и кто станет спонсировать теплое местечко для тех, кому лень учиться на нормальных направлениях? И только Миа Лейнер всегда впереди всех! Она единственная, кто верит в то, что инопланетный разум можно анализировать и даже лечить! И твари это понимают! Кто на первом курсе на экскурсии в зоопарке привел за собой к месту сбора рой аксианских шмелей?

– Они отреагировали на цвет моих волос! – окрысилась я. – У них там все растительность такая, на Аксиане.

– Именно! В период спаривания! Вся группа почувствовала себя цветами и площадками для любовных игрищ насекомых! А слизи с Калькутты? Я две недели соорудил ловушку, поймал одного задохлика, а Миа просто прилегла на травку и вся тамошняя фауна была у ее ног!

– Ага! Они пробовали меня на вкус! И облюбовали!

– А аборигены с Масай-рок?! Всем известно, что из homo sapiens они контактируют только с земными масаями. Нет, вру! Еще с одним землянином – мисс Мией Лейнер! А псевдо-орангутанги с Окто? Та еще была история! Попасть на практикум в группу, куда записана Миа – это уже дурной знак, а если еще и предстоит прямой контакт с инопланетной

фауной... Но, черт возьми, – Дейв ослабился и приблизил комфон к лицу, заговорщицки подмигнув Элу, – как же она очаровательна в постели! Я не пожалел, что потратил столько времени. И не жалею, что рисковал жизнью на практикумах.

– Козел! – сказала я, почувствовав себя голой и униженной. – Я думала... Я столько лекций из-за тебя пропустила, все боялась тебя послать прямым текстом! Ты меня постоянно куда-то таскал! Сдались мне твои гонки робокаров! И клубы с безумной музыкой я тоже ненавижу! Если бы ты знал... Я даже лекции профессора Клайва из-за тебя прогуляла!

– Просто очаровательна, – повторил Дейв, выжидающе глядя на Эла. – Хотя никогда не поймешь, нравится ей или нет.

– Не нравилось!

– Ну это ты от злости сейчас говоришь, бейби. Я же Дейв МакЛи. Как тебе могло не нравиться?

Тот непонимающе смотрел на парня в голограмме. Дейв пожевал губами и произнес:

– А вы точно встречаетесь? Как-то не верится.

– Точно, – коротко бросил Эл и резким движением привлек меня к себе.

Я чуть не потеряла равновесие, но его объятья были крепкими. Наши губы встретились. Что, и такая программа для киборгов существует? Откуда циклон знает, что такое насто-

ящий поцелуй? Эл положил ладонь мне на затылок, пальцы его поглаживали кожу под волосами. Я краем глаза увидела кислое лицо Дейва над комфоном. Потом изображение погасло. Комфон раз пять начинал дребезжать, но каждый раз Эл хмурился и звонок прекращался. Мы целовались. И я испугалась. С вскриком оттолкнула парня от себя.

– Кто ты? Что ты? – спросила я, прикасаясь пальцами к пылающим от поцелуев губам. – Что ты такое? Это твоя программа? Ты секс-игрушка?

– Нет, – тяжело дыша, сказал циклон. – Нет. Все не так. Прости. Я сам не знаю... Ты не понимаешь! Ты меня не помнишь? А я помню тебя. Вспомнил, как только ты вошла тогда в туалет. Я ай-каб, маленький мальчик из той самой семьи, в которую тебя взяли на пробный период. Фамилия моих родителей Лейнер. Я Эл, это сокращение, первая буква.

– Ты тот ребенок-робот? Не может быть!

– Да. Такое вот совпадение. Прости.

– За что?

– За то, что они выбрали меня тогда.

– Шутишь? **Ты** это мне говоришь, отвергнутый сын? Мне в любом случае повезло больше, чем тебе.

– Спасибо, что не держишь на меня зла. Я тебе нравлюсь?

– Ты киборг!

– Ты сама говоришь, что я не такой, как все условно-живые.

– Я не знаю! – отчаянно захотелось отмотать время на-

зад и не заходить в тот чертовый туалет для киборгов. – Это сложно.

– Ты два месяца жила в нашей семье. И родители были почти готовы взять тебя. Но потом передумали. Отчасти по личным причинам, отчасти из-за Отдела. Им *отсоветовали*, понимаешь?.

– Какой Отдел?

– Кибербезопасности. Я кое-что нашел. Следы.

– Зачем я тому самому легендарному Отделу? – я даже засмеялась. – Сирота со странностями заинтересовала такую организацию?

– Все не так просто. Вспомни!

Я схватилась за голову. Перевела глаза на пол. Огурчик стоял рядом с Элом, выставив целую кучку глаз. Муарманец свистнул, Эл ответил ему протяжным стоном. И эти меня обсуждают!

– Зачем ты это сделал?

Уточнять, что именно, мне не понадобилось, Эл отвел взгляд. Как будто я каждый день целуюсь с циклонами! Но ладно, признаюсь, было дело. Кто в средней школе на спор не целовался с киборгом, «манекеном» из магазина, охранником? Но настолько не по себе мне тогда не было.

– Молчишь? Ах, я догадалась, ты же ай-каб! – во мне почему-то забурлила неконтролируемая злость. – Наверное, с программой гармоничного накопления опыта. Слышала о такой. И как тебе... опыт?

– Неплохо, – процедил киборг.

– Твои родители не из этого от тебя отказались? Небось, рановато стал опыт накапливать.

– Примерно так все и было.

– Что? – я вовсе не всерьез это сказала.

– Все, кто отказывается от ай-каба, должны указать адекватную причину – это требование производящей компании, – объяснил киборг. – Мои родители подписали передачу меня в социальные органы с формулировкой «создание слишком доверительных отношений между родственниками».

– И как это понимать? – выдавила я.

– Так и понимать. Моя старшая сестра Кэт очень ко мне привязалась. С точки зрения папы и мамы, *слишком* привязалась. Она хотела быть певицей, вечно закачивала в меня программы для создания музыкальных треков и аранжировки. Я играю на нескольких музыкальных инструментах. И это не просто программы, я действительно играю. У нас отлично получалось. На Хэллоуин-вечеринке в последний учебный год мы просто зажгли.

– Ты учился в обычной школе?

– Да. Очень *толерантной* к условно-живым, – киборг нехорошо усмехнулся. – Когда выяснилось, что Кэт вибрانت, она чуть не отказалась от карьеры из-за... – Эл закусил губу.

– ... тебя?

– Да. Ей было восемнадцать, мне пятнадцать. Что-то про-

изошло со мной, я стал меняться. Мне стало трудно себя контролировать, и наши родители поняли... как и то, что Кэт относится ко мне не совсем как к брату... и совсем не как к условно-живому. Они меня сдали. Я попал к Мацумото, а он выяснил, что я на семьдесят процентов использую свой мозг и только на тридцать процессор. Должно быть наоборот.

– Да, – медленно произнесла я, пытаюсь вспомнить все, что читала об интеграции мозга и процессора у киборгов. Об Интеграции?!

Я в ужасе вгляделась в лицо парня. Эл ответил мне напряженным взглядом и сообщил:

– По некоторым причинам я больше не являюсь проектом профессора Мацумото. Мной занимается профессор Бронски. Послезавтра... уже почти завтра нас должны отправить в гeбepнaцию. Мой друг Итиро пытается этому помешать, но я не уверен, что у нас получится.

Я стояла, переваривая услышанное. Потом прошептала:

– Нет! Как? В гeбepнaцию? В сон?! Только не тебя! Ты ведь живой! Таких, как ты, называют одушевленными киборгами! Я думала, это рассказы!

Эл молча глядел мне в глаза. Я вздрогнула от сигнала комфона, посмотрела на фото вызывающего. Профессор Бронски послала мне приказ явиться в лабораторию. На ловца и зверь бежит!

– Этого нельзя допустить, – пробормотала я, засовывая комфон в карман джинсов. – Я с ней поговорю. Все ей объ-

ясню!

Я устремилась к дверям. И вернулась. Сказала, очень быстро, стараясь звучать деловито:

– Это не из-за... Не из-за того, что ты меня... что мы с тобой... Короче, ничего личного, только наука!

Я бросилась вон из туалета.

... Мария наклонилась над «кактусом» на столе у практикантки и пробормотала:

– Имитация муарманской фауны. Очень мило. Как живой просто... А, Миа, вот и ты.

Практикантка ворвалась вся какая-то взъерошенная, кивнула, задыхаясь.

– Миа, почему лаборатория открыта? И ты в курсе, что сейчас без двадцати двенадцать? Ты здесь ночевать собираешься?

– А можно? – с надеждой встрепенулась девушка.

Мария ответила ей строгим взглядом. Злиться на мисс Лейнер было сложно. Доверчивые голубые глаза, умеющие, впрочем, смотреть и лукаво, и с вызовом, смягчали сердце. Помимо этого девочка неплохо работала. Скорее всего, Рита и Зоуи свалили на нее половину своих обязанностей.

– У тебя проблемы с жильем? Университет должен был предоставить список адресов.

– Да... предоставил, но... неважно. Профессор, можно мне с вами поговорить?

– Разумеется.

Миа принялась запальчиво рассказывать. Маша не ошиблась: у девочки завязалась дружба с Си-один. Учитывая, что Эл был ай-кабом, она не удивилась. Но Миа продолжала говорить, и выводы, которые она сделала, удивительным образом совпали с мыслями профессора Бронски.

– Интеграция невозможна, – перебила девушку Маша. – Об этом написан не один десяток статей. Если на определенном этапе мозг циклона подключался бы к работе процессора на том же уровне, что у человека, это явление было бы не единичным. Я даже склонна полагать, оно приобрело бы хаотичный характер.

– А если, – с серьезным видом возразила Миа, – оно и есть не единичное, но киборги это скрывают? У них ведь не с чем сравнивать. Они не понимают, где норма, а где нет, как люди с нарушением психики. А если понимают, то боятся перепрошивки или утилизации. Вы ведь работаете с Когницией. Разве эти процессы не похожи? Мы можем не знать, что запускает Интеграцию, но Мацумото...

– Профессор сам признал свою теорию ошибочной, а он лучший в Кластере специалист в этой области. Поэтому считаю дальнейший разговор на эту тему бесполезным. Извини, мне нужно идти. Ты тоже иди домой. Завтра у нас новый «клиент». Один бордель на Нью-Лас-Вегас считает своего кибер-бармена живым.

«Вот видите», – с упреком говорил взгляд мисс Лейнер.

Маша вышла из лаборатории и пошла на третий этаж. Как будто она сама не рассматривала теорию, что Си-один и Си-два были удачными образцами опытов, проводимых Мацумото в области изучения Интеграции. Однако всем известно, что профессор прекратил свои эксперименты и занимался «индивидуальными» заказами.

... Итиро повернулся от окна и посмотрел на девушку в дверях. Маша. Она пришла с первыми секундами нового дня. Значит, у них с Элом есть надежда.

– Пятница? – улыбнулся Синклер.

– Да. Какое сообщение передал мне профессор Мацумото?

– Не будем ходить вокруг да около? Это помещение раньше прослушивалось. Вы знали?

– Но сейчас уже нет, верно? – Маша саркастически подняла одну бровь. – Эл?

– Да, парень отлично ладит с сетями. Разумеется, Отдел кое-что услышит. Но не то, что будет сейчас тут сказано.

– Не заставляй меня ждать.

– Не буду. Мацумото передал, что ваш брат жив и он с ним лично общался.

– Кто он? – хрипло спросила Мария, схватившись за спинку стула. – Где он?

– Не все сразу. Видите ли, мисс Бронски, у меня в этом деле свой интерес. На планете Сильвери погибла моя невеста.

Это было шестнадцать лет назад. Мне было двадцать два. Я сам, на свои средства, несколько лет вел расследование, но как только подобрался к разгадке, меня убили...

– Ты говоришь так, словно ты и есть Итиро Синклер, – девушка осуждающе покачала головой.

– Я и есть Итиро Синклер! Мне все равно, насколько это этично или... нормально с точки зрения обывателя, но я мыслю, значит, я существую. Я мыслю и помню. И неважно, в каком теле.

– Это иллюзия, это...

– Сложно поверить? *Конечно, это просто издевательство над бедной девушкой, у которой уже три года не было отношений. А нормальных отношений не было с самого универа,* – веселым тоном процитировал Итиро. – *И кому же ты мог бы достаться? Какой-нибудь богатой фанатке? А давай я денег скоплю и тебя выкуплю?*

– Ты слышал? – Мария покраснела. – Да ты просто каким-то образом включил запись!

– Нет, Мэри. Можете отключить кор-плату, я больше от нее не завишу. С ней мне легче, признаюсь, компьютер в голове – это прекрасно, да и некоторые физиологические процессы лучше регулируются платой и мозгом одновременно. Мария, я был первым, кого Мацумото «воскресил». Из-за меня он и отказался от публичного оглашения прорыва. Вы ведь понимаете, о чем я. Интеграция.

– И...Эл?

– Да, он тоже. Эл спонтанно интегрированный. Но не об этом сейчас речь. Я знаю, кто ваш брат и где его найти. Помогите нам сбежать. Институт только кажется обычным научным центром, у Отдела здесь везде уши.

Маша стояла, низко опустив голову. Синклер замолчал, с опаской на нее поглядывая. А вдруг она сейчас поднимет тревогу? Выдаст его и малыша? Но нет, он в ней не ошибся. Профессор Бронски потрянула волосами и подняла на него тяжелый взгляд.

– Отдел знает, кто мой брат?

– Несомненно. Думаю, с самого начала знал. Ему нужна Технология. Вам не случайно поручили нас обследовать – Отдел проверял, что вы знаете и не врет ли Мацумото. Вы блестяще справились с заданием, заметив наш с Элом необычность и подтвердив подозрения. Завтра нас отправляют не на склад, а в другое место, оттуда мы уже не выйдем. И вы ничего не узнаете о своем брате.

– Что мне делать?

– Умница, – только теперь Итиро понял, что все это время еле дышал от волнения. – Любой коп в городе определит, что перед ним условно-живые. Поэтому мы вынем корплаты. Обеспечьте нас пропусками, одеждой, комфонами и деньгами на первое время. Много не нужно, у меня есть тайный счет, еще с моей... той жизни. Я готовился к смерти, – Итиро усмехнулся. – Когда понял, что мне не жить, обратился к моему другу Мацумото. Я думал, он просто предаст со-

бранные мной сведения огласке, но он сделал лучше. Поэтому я хочу сам довести дело до конца.

– Что такое Интеграция? Как это работает?

– Вам лучше не знать, Мэри. Когда мы окажемся на свободе, я свяжусь с вами и передам всю информацию. Ваш брат... он вас тоже ищет.

– Я поняла. Одежда, деньги, комфоны, – выдохнула Мария.

– Сегодня. И обеспечьте себе алиби, мисс Бронски, – последние слова Итиро произнес очень мягко.

Мария кивнула.

... Она столкнулась в дверях с Элом, внимательно на него посмотрела, пошла по коридору, набрав практикантку:

– Мисс Лейнер. Я передумала. Я отстраняю вас от практики... Да, не ослышались... Почему неожиданно? Огласить список ваших оплошностей за неполную неделю?... Я? Вы заблуждаетесь. Я не выбирала вас для прохождения практики в моей лаборатории, мне вас навязали... Пройдете ее в другом месте... Не дерзите мне! Теперь, если меня спросят, у меня есть еще один повод – ваша дерзость... Ваш пропуск аннулирован. Желаю удачи.

Маша тяжело вздохнула, отключившись. Ну хоть Мию она под удар не поставит. Глупышка просто не знает, во что ввя-

заласть.

Глава 9. Ловушка

Когда Маша и Айви вернулись в Лондополис, старшая мисс Бронски захотела прогуляться по Риджент-стрит и поглазеть на новые кукольные перформансы в витринах Оксфорд стрит. Она, как ребенок, радовалась живым аниматорам у дверей Hamleys и шарахалась от разговорчивых голограмм, плывущих в потоке пешеходов, в то время как Маша и Томас равнодушно проходили сквозь них. Кавендиш незаметно позевывал. В животе у него переваривались барбекю и сливочное печенье. Давно он так не наедался.

– Не могу к этому привыкнуть, – сказала Айви, вытирая пот с лица. – Эти полупрозрачные фигуры... И что за климат контроль в центре? Где облака? Где сырость? За три года Лондон превратился в пекло.

– Говорят, климатические настройки сбиваются из-за нарушений магнитного поля, – равнодушно сказала Маша, проходя через очередного комфонного голо-субъекта. – А виртуалы? Лучше привыкай. Мода на них на спад не идет.

– Зачем? Зачем передвигаться по городу с торчащей из комфона голограммой? – недоумевала Айви.

– Я же говорю, мода. Киборги не всем по карману, – Маша покосилась на Кавендиша, но тот шел с каменным лицом, корпусом защищая «хозяйку» от грубых толчков пешеходов.

– Давайте где-нибудь посидим, – взмолилась Айви, тоже покосилась на Томаса и уточнила: – Давай, Маш.

Они зашли в любимую кофейню Айви и со единодушным вздохом облегчения опустились за столик. Айви осмотрелась и поморщилась. Заведение было полно людей и... голограмм.

– Просто невыносимо, – сказала Айви, нажимая на иконку черничного пирога на столе. – Что тебе, Томас?

– Кофе. Черный. Четыре кусочка сахара, – Кавендиш подумал, что даже несмотря на сытость, отказываться от чашечки натурального кофе в дорогом заведении не стоит. К тому же, его немного тянуло в сон.

– Еще и сладкоежка... Нет, Маш! Когда я улетала на... в университет, встретить голограмму в рост человека в городе было редкостью. Какая-то глупая мода!

– Знаешь, почему численность человечества уменьшается? – рассеянно сказала профессор Бронски, пролистывая пальцем меню и вызывая над столом голографии отдельных десертов. – Не только из-за бесплодия. Люди разучились общаться. Мы все обитатели Сети, ограниченные во времени и разбросанные по Кластеру. И то, что мы путешествуем в космосе, нас не объединяет. Но есть одно «но». Друзья нынче – это тоже часть статуса. Насколько ты популярен? Скольким людям ты нравишься? Кто готов гулять с тобой по улицам, провожать на работу, сидеть в кафе? Даже в форме голограммы. В наши дни близкие родственники иногда не стре-

мятся к общению, если у тебя индекс популярности меньше семи. Не знаю, кто первым имитировал компьютерной программой живых людей, но сейчас ее можно скачать в Гуглакс-приложениях и задать все желаемые параметры: пол, возраст, рост, особые черты. Вначале голо-друзей можно было отличить по их... красивой внешности. Поэтому к программе был написан скрипт неидеальности. Теперь по улицам гуляют веснушчатые, курносые, широкоскулые, сутуловатые и в меру кривоzubые голограммы. В меру. Никому не нужен уродливый друг. И все же я их различаю. Вон там, – Мария почти незаметно указала на столик у окна, – сидит девушка, собеседник которой вполне реален. Они спорят. Кажется, обсуждают день свадьбы. А вот там, – профессор как бы невзначай повела рукой в сторону двери, – молодая особа общается с выдуманным другом. Как мило. Говорить с программой – это то же самое, что разговаривать с самой собой.

– Хорошо, что у меня есть сестра, которая не отказывается поболтать и погулять. Я тебе готова простить даже твой ужасный банный веник! – воскликнула Айви.

Наконец сестры попрощались, и Кавендиш с облегчением вздохнул. Они приехали по новому адресу мисс Бронски. Квартира была невелика, но уютна. Томасу досталась комната с видом на озеро с утками. В его квартире в восьмой зоне из окна можно было наблюдать лишь кирпичную стену офисного здания. Айви прошла по квартире, равнодушно осматриваясь. Ее вещи уже привезли.

– Том, – сказала она. – Я пойду погуляю. Пройдусь по району. Никогда здесь не бывала.

Кавендиш шагнул к двери.

– Ты останься дома, пожалуйста, – попросила мисс Бронски. – Я только в магазин и парк. Со мной ничего не случится.

В ее голосе была мольба. Технически она могла бы и приказать. У нее даже фраза была специальная, кодовая, для полного подчинения кор-платы. Но она не приказала, попросила. Поэтому Томас кивнул. После ухода Айви он принял душ, с удовольствием осмотрел кухню, оборудованную немного старомодными, но надежными девайсами. Кавендиш любил готовить, Лиз иногда называла его «мой шеф». Ее любимым блюдом были креветочные тарталетки. Но это было в другой жизни, жизни «до».

Он увидел Айви в окно. Мисс Бронски бродила по парку. Покормив уток, она направилась к зданию супермаркета. Том вздохнул и пошел к двери. Том догнал Айви почти сразу, она как раз входила в магазин. Кавендиш остался внизу, приготовившись терпеливо ждать. Но девушка появилась у касс через десять минут. В ее руках был... плюшевый мишка. Условно-живая кассирша монотонно пыталась пробить игрушку шесть раз и справилась лишь на седьмой. Какой-то валлиец с характерным акцентом позади мисс Бронски принялся выкрикивать в ее адрес оскорбления в стиле «если видишь, что задерживаешь других, смиришься и отойди». Ай-

ви выслушала, вздрагивая в особо выразительных местах, и только бросила, отходя от касс:

– Передайте вашей маме, что она вас плохо воспитывала.

Девушка быстро пошла к выходу. Валлиец взревел и, бросив покупки у кассы, рванулся за ней, обещая поковырять «тупой блондинке» ноги. Кавендиш вырос перед ним и оттащил здоровяка в закуток с ячейками, в уголок, который его кор-плата указала как «слепое пятно» на мониторах супермаркета. Томас никогда не разговаривал с такими представителями человеческой фауны, а просто молча бил. Вот и теперь он с удовольствием «сыграл» на болевых точках хама, словно на музыкальном инструменте. И прошептал на ухо корчащемуся бугаю:

– А еще передай своей маме, чтобы не волновалась за сыночка – произведена небольшая корректировка воспитания.

Он успел добежать до дома и подняться на этаж, пока Айви брела через парк.

– Вот, – смущенно объяснила она, войдя, наткнувшись на его «компьютерный» взгляд и показывая игрушку. – У нас с сестрой в детстве был мишка. Мы его потеряли на планетолете... при очень печальных обстоятельствах. Теперь когда мне плохо, я всегда покупаю плюшевого медведя. Они копяты, мишки... я их потом детям раздаю.

– Ситуация ясна, – отозвался Кавендиш.

– Да? – Айви грустно улыбнулась. – А мне вот ничего не ясно.

Она пошла в свою комнату. Том подумал и пошел к себе. Розетка была над его кроватью. Можно спать и подзаряжаться – ребята из Отдела все предусмотрели. Он лег и, засыпая, прокручивал в памяти день, в первый раз после аварии не обращая внимания на «муравьев» в позвоночнике.

... Айви Бронски явно собиралась на вечеринку, а Томаса, по всем признакам, брать с собой не планировала. Он попробовал прочитать ей нотацию о безопасности своим самым «компьютерным» голосом, но она провалила его благое начинание, подскочив к нему в расстегнутом на спине платье и с одним спущенным чулком, притопывая от нетерпения:

– Застегни.

Томас медленно повел вверх молнию, остро почувствовав, что уже три месяца находится в статусе монаха. Поспешил он радоваться хорошей работе. Лучше бы его в горячую точку послали, на какую-нибудь бунтующую против тирании Кластера планету.

– И бусы застегни.

Бусы были тяжелыми для такой хрупкой, нежной шеи – крупные пластины терманита глубокого черного цвета с золотистой искрой, дорогая, очень модная бижутерия.

– Распоряжения?

– Принимай все сообщения, поступающие на вирт-борд, – велела мисс Бронски.

– Что отвечать? Где вы? С кем? Уровень безопасности?

– Нормальный уровень, уровень – свидание, – нетерпеливо сообщила девушка. – Один чиновник в большой корпорации, он мне нужен, – девушка хищно улыбнулась. – Понял? – Так точно. Инструкции, мэм. Безопасность. – Да знаю я твои инструкции! Буду осторожна. Отдохни тут без меня, пиццу закажи. Я заметила, ты любишь с корнионами.

Том промолчал. Айви вдруг чмокнула его в щеку и выпорхнула из квартиры. Кавендиш покачал головой и отправил рапорт в Отдел Ноль, пусть сами разбираются. Он же не может насильно навязать свое присутствие хозяйке.

Томас видел из окна кухни, как мисс Бронски садится в чей-то личный турболет. Ого! Наш кавалер из привилегированных! Мало кому разрешают передвигаться по центральной части Л-Полиса на собственном транспорте.

Почтовый кибер принес посылку. Лондонополис всегда отличался консервативностью. Только здесь вы могли получить серую коробку из переработанного картона с грубыми печатями. На коробке не было ни голографического чипа содержимого, ни прочей маркировки предпросмотра. Том повертел ее в руках и со вздохом поставил на столик в прихожей.

Пиццы не хотелось. Томас включил музыку и принялся готовить. Далеко за полночь щелкнул замок, на пороге появилась Айви. Кавендиш в любимом фартуке застыл с бутылкой вина в одной руке и бокалом в другой. Попался, ки-

борг? Как будешь объяснять?

Айви Бронски не нуждалась в объяснениях. Она опустилась на стул. Волосы ее были растрепаны, чулки порваны на коленях, туфли грязны. От опытного взгляда Кавендиша не укрылось ничего: ни едва заметные синяки на запястьях, ни красное пятно на шее, ни сломанный ноготь, ни отсутствие терманитовых бус на шее. Томас в доли секунды сделал свои выводы и оказался рядом. Молча вытащил пластыри и гель из аптечки, вопросительно глядя на «хозяйку».

– Все в порядке, я цела, но... Кажется, я влипла, Том. Это было ради сестры, – пробормотала Айви, следя за тем, как Томас обрабатывает синяки и царапины. – Я ведь знаю, что ты должен все сообщать в Отдел Ноль. Не сообщай. Это не имеет отношения к проекту... ты знаешь, к какому. Маша – приемный ребенок, она давно ищет свою семью. Человек, с которым я встречалась сегодня, имеет некоторое отношение к событиям прошлого, в которых Маша потеряла своего брата. Я пошла на риск. Я не собиралась... Это глупо, я понимаю. Мне казалось, я смогу обещать ему «аванс», получив кое-что взамен. А он мне так ничего и не дал сказать, набросился прямо в турболете. В бусах был электрошокер, я вырубил козла, а турболет пришлось садить за городом самой. Я их там и оставила, и козла, и турболет.

Девушку вдруг затрясло.

– Это влиятельный человек. Что теперь со мной будет?

– Вы помните координаты того места?

– Да. Они были на табло, когда я сажала турболет.

– Давайте координаты, ждите меня здесь.

– А вдруг я его убила, Томас! Вдруг у него больное сердце или разряд был слишком большим.

– Я все проверю и вернусь.

Человек в посаженном прямо на луг турболете был мертв. Прикончил его не шокер, но по поводу сердца Айви была почти права, оно несчастного и добило, а вернее, разрывная пуля в нем. Судя по температуре тела и ране, киллер ушел несколько минут назад. Томас аккуратно просканировал пространство вокруг и в турболете. Кроме чипа в запястье у убитого, других источников связи он не обнаружил. Официальная Сеть здесь ловила плохо, военный канал отсутствовал. Мертвая зона возле крупного полиса – редкий случай, все словно специально подстроено.

Девушку подставили или она просто оказалась в неправильном месте в нехорошее время? Отдел Ноль не стал бы подставлять Айви Бронски под убийство, Кавендиш был уверен, она им нужна. А вот с Марией Бронски он бы поговорил.

Когда он вошел в квартиру, Айви поймала его взгляд и сумрачный кивок и затряслась. Он коротко описал ей ситуацию, а она протянула ему раскрытую посылку. В коробке лежал плюшевый мишка, сувенирный Паддингтон с традиционной запиской «Позаботьтесь об этом медведе, пожалуйста». На записке было дописано: *Воскресенье. 3:30 после полудня. «Звездный ветер».*

– Это ОН, – дрожа, пролепетала мисс Бронски. – ОН узнал, что я в опасности... ОН принял меры... что такое «Звездный Ветер»?

Кавендиш вышел в Сеть. Судя по кавычкам, это было название.

– Космическая яхта, – сказал он. – Имя владельца скрыто, скорее всего, богач или знаменитость. Поешьте, мэм, и собирайтесь. Вам не стоит тут оставаться. Берите самое необходимое. В нашем распоряжении... час, я думаю.

Он принялся кидать в сумку вещи. У него есть относительная свобода в выполнении задания, а тут, судя по всему, как раз назревает прорыв. И все-таки случилось то, чего он опасался – он повелся на чары девушки. Или не повелся, а заинтригован? На дне сумки лежала любимая книга Тома «Трое в лодке, не считая собаки», а в ней портрет дедушки.

– Это ты виноват, – сказал ему Томас. – Твои гены.

Дедушка Кавендиш был очень влюбчивым, женился четыре раза, по его словам, «три удачно и один по-настоящему».

Том и Айви вышли из квартиры спустя пятнадцать минут. Спустя два часа через оставленный в гостиной жучок Кавендиш слышал, как туда врываются бойцы Бюро.

Глава 10. (Не)благонадежная компания

Космический порт «Луна -1», воскресенье

Я стояла посреди лунодрома и кричала в комфон на профессора Клайва. От меня испуганно шарахнулась молодая парочка с кибер-псом – только у дог-кабов бывают такие выразительные, совершенные неживые преданные морды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.